

СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ

10 ЖЕНЩИН НАПОЛЕОНА

ЗАВОЕВАТЕЛЬ СЕРДЕЦ

Сергей Юрьевич Нечаев
10 женщин Наполеона.
Завоеватель сердец
Серия «Кумиры.
Истории великой любви»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6694805

Сергей Нечаев. 10 женщин Наполеона. Завоеватель сердец: Эксмо, Якуз;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-70489-7

Аннотация

«Когда мы терпим поражения, удел женщин – скрашивать наши невзгоды» – так говорил великий Наполеон, в жизни которого женщины сыграли огромную роль. Вот только какую – положительную или роковую? Был ли он счастлив в любви так же, как на поле боя? Правда ли, что одержал меньше сердечных побед, чем военных триумфов? Почему развалились оба его брака? Кем были женщины, родившие ему двух внебрачных сыновей? Что рассказывали об интимной жизни корсиканского гения его фаворитки? Стоит ли верить врагам Императора, обвинявшим его в «бессердечии» и «неспособности любить»?

Была ли в его жизни настоящая страсть? И отвечали ли женщины ему взаимностью?..

Содержание

Глава 1. Первый проект женитьбы. Дезире Клари	5
Глава 2. Мадам де Богарне	19
Глава 3. Гражданка Бонапарт	38
Глава 4. Царица Востока Полина Фурес	55
Глава 5. Прощение Жозефины	69
Глава 6. Джузеппина Грассини	71
Глава 7. Мадемуазель Жорж	82
Глава 8. Императрица Жозефина	100
Глава 9. «Почти сумасшедшая» мадам де Водэ	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Сергей Нечаев

10 женщин Наполеона.

Завоеватель сердец

Глава 1. Первый проект женитьбы. Дезире Клари

Наполеон Бонапарт, как известно, родился на Корсике 15 августа 1769 года, и он долгое время был простым офицером-артиллеристом, чужаком во Франции, нелюдимым и ограниченным в средствах. В самом деле, 800 франков офицерского жалованья плюс 200 франков пенсии как бывшему воспитаннику Парижской военной школы, – все это не слишком способствовало росту самосознания и укреплению уверенности в себе. Соответственно, и одет он был очень плохо, что резко отличало его от многих его более знатных товарищей по полку.

Несмотря на это, Наполеону, конечно же, хотелось общаться с женщинами, и он пытался делать это. Впрочем, без особого успеха, ибо он был еще и застенчив, а его неважный французский не позволял ему выразить то, что творилось в его объятной внутренним пламенем душе.

Короче говоря, к двадцати пяти годам Наполеон женщин не знал, и весь его опыт в этой области ограничивался воспоминаниями о матери, бабушке, тетушке Гертруде да о старой кормилице Камилле Иллари. По сути, первыми французскими женщинами в его жизни были мадам Грегуар дю Коломбье и ее дочь Шарлотта, с которыми молодой лейтенант познакомился, когда проходил службу в Валансе.

Мадам Грегуар дю Коломбье, дама лет под пятьдесят, сумела по достоинству оценить застенчивого корсиканца и стала регулярно приглашать его к себе в гости. Она относилась к нему по-матерински, а он... тут же увлекся ее дочерью, ибо потребность в любви уже до краев переполняла его сердце. Как принято говорить, это было «первое нежное чувство юноши к женщине, еще робкое и боязливое в своих проявлениях».

Дочь звали Шарлоттой-Пьереттой-Анной Грегуар дю Коломбье, и она была старше Наполеона (она родилась 28 ноября 1761 года). У нее были большие темные глаза, густые черные волосы, нежная кожа и чуть полноватые губы, придававшие ее облику миловидность, но все это не позволяло назвать ее очень красивой.

Позднее, уже в ссылке на острове Святой Елены, Наполеон вспоминал:

«Мы назначали друг другу маленькие свидания, особенно мне памятно одно, летом, на рассвете. И кто может поверить, что все наше счастье состояло в том, что мы вместе ели

черешни!»

События эти происходили в 1786 году, когда Наполеону было всего шестнадцать, а Шарлотте – двадцать пять. Шансов у будущего императора тогда не было никаких. И точно: «его» Шарлотта в 1792 году вышла замуж за капитана Гаремпеля де Брессё.

Говорили, что этот самый де Брессё «отбил» у Наполеона мадемуазель дю Коломбье. Но это не так. Они поженились, когда корсиканца уже не было в Валансе. Да и не стал бы Наполеон в противном случае назначать в 1808 году мадам де Брессё придворной дамой при своей матери, а местье де Брессё он не стал бы даровать в 1810 году титул имперского барона.

* * *

После Шарлотты Грегуар дю Коломбье Наполеон, как принято считать, «имел виды» на очаровательную Луизу-Аделаиду Старо де Сен-Жермен, ставшую потом женой будущего министра Наполеона и графиней де Монталиве.

Ничего у него не получилось и еще с парой-тройкой де-вушек.

А потом был Париж, этот огромный город со всеми его соблазнами, где ароматами прекрасных женщин было пропитано все, даже сам воздух бульваров и площадей.

Гертруда Кирхейзен в своей блестящей книге о Наполеоне

пишет:

«Женщина для Наполеона была совершенно областью неведомого. В маленьком гарнизоне, где все знали друг друга, ни один офицер не позволил бы себе никакой вольности из боязни не быть больше принятым в обществе. Но здесь, в Париже! В первый раз змей-искуситель стал нашептывать Наполеону соблазнительные слова. Неотразимые чары неведомого, желание знать, наконец, увлекают Наполеона после спектакля в итальянском театре к Пале-Руаялю, служившему в те времена излюбленным местом сближения для женщин легкого поведения».

А потом, обогащенный кое-каким опытом, молодой Наполеон вернулся на родину. Как утверждает Гертруда Кирхейзен, «женщина не смогла приобрести над ним власти. Разнузданность и разврат не захватили его и даже не внушили ему к себе интереса».

Короче говоря, Наполеон, по сути, остался прежним замкнутым провинциалом, и в июне 1788 года он уже вновь находился во Франции – в Оксонне. Но и там у него не было особых побед на любовном фронте. И только в 1794 году женские лица вновь появились в его жизни...

* * *

Теперь позади у него уже был Тулон, и он из простого лейтенанта артиллерии сделался овеянным славой республи-

канским бригадным генералом. И теперь 25-летнего генерала Бонапарта заставило вернуться к брачным проектам одно обстоятельство. Этим обстоятельством стал его старший брат Жозеф, которому посчастливилось жениться 24 сентября 1794 года на богатой девушке из Марселя. Ее звали Мари-Жюли Клари, и родилась она 26 декабря 1771 года в семье богатого торговца шелком Франсуа Клари и его жены Франсуазы Сомис.

А вот выбор Наполеона пал на младшую сестру Жюли – на Бернардину-Эжени-Дезире Клари, появившуюся на свет в Марселе 8 ноября 1777 года.

Наполеон познакомился с ней во все том же 1794 году, когда его мать с семьей искала убежища в Марселе. Для Дезире¹ молодой корсиканец стал идеалом. Она восхищалась его храбростью, которую он проявил под Тулоном и о которой говорили повсюду. Для нее он был и защитником, и покровителем большой семьи, взиравшей на него, как на божество. И, естественно, прошло совсем немного времени, и юная Дезире одарила Наполеона той нежной любовью, которая в избытке счастья обычно не находит возможности быть выраженной словами.

---

¹ В доме ее все звали Дезире, но в своих письмах к Наполеону она подписывалась именем Эжени, ибо она хотела носить для него имя, которого не произносили бы другие уста.

В своем первом письме ему она написала:

«Ты знаешь, как сильно я тебя люблю. Никогда я не смогу сказать тебе всего, что я чувствую. Разлука и даль никогда не изменят тех чувств, которые ты внушил мне. Одним словом, вся моя жизнь отныне принадлежит тебе».

Короче говоря, любовь поразила ее, словно удар молнии. И она писала ему:

«О мой друг, заботься о себе ради Эжени, которая не сможет жить без тебя. Исполни так же хорошо клятву, данную тобою мне, как я исполняю клятву, данную мною тебе».

Мысль жениться на Дезире созрела в голове Наполеона лишь тогда, когда он в 1795 году уже находился в Париже. А предложение формально было сделано 21 апреля, то есть в тот день, когда генерал Бонапарт проездом оказался на несколько дней в Марселе. И именно с этого момента, как принято считать, он не переставал строить самые заманчивые планы на будущее, связанные с этой девушкой.

Конечно же, Жозеф и его жена принимали в этом самое непосредственное участие. Что касается семейства Клари, то с их стороны препятствий не было. Отец, как утверждают, заявивший, что «с него достаточно одного Бонапарта», умер 20 января 1794 года, и теперь судьба Дезире зависела практиче-

ски только от нее самой. Бонапарты же вообще были счастливы: у Дезире было прекрасное приданое, 150 000 франков, а это было целое состояние для такого бедного офицера, как Наполеон. То есть, по сути, ни денег, ни положения, ни должности у него не было, в Париже он оказался в большой немилости, очень сильно нуждался, а посему всеми силами «уцепился» за этот брак.

Таким образом, не без помощи Жозефа Бонапарта роман Наполеона с Дезире начал развиваться. В частности, при его посредстве влюбленные обмениваются письмами, да Жозеф и сам время от времени сообщал младшему брату известия об его избраннице. Никакой страсти, кстати, в переписке с братом Наполеон не высказывал: его занимало исключительно обеспеченное будущее и возможность жить вместе с любимым братом.

Тем не менее Гертруда Кирхейзен утверждает:

«И все-таки Наполеон любил Дезире. Если бы мы могли заглянуть в те письма, которые он писал ей тогда, то, может быть, мы нашли бы в них прототип его любовных писем к Жозефине, без пылкой страсти последних, но все же полных глубокого чувства. К сожалению, они не сохранились».

Вот так всегда: когда нужно было бы что-то привести в качестве доказательства, выясняется, что именно это и не сохранилось. Так на чем же тогда основываются подобные утверждения? Не на таких же строках, которые мы можем найти в одном из писем Наполеона к Жозефу, в котором пер-

вый просил второго поговорить с братом Дезире:

«Сообщи мне результаты – тогда все будет ясно».

А вот еще один образчик «любви» Наполеона, и он тоже взят из его письма к Жозефу:

«Надо или завершить это дело, или все порвать. Я жду с нетерпением ответа».

Как видим, Дезире описывала свои чувства совершенно иначе:

«Напиши мне, как можно скорее, не для того, чтобы подтвердить мне твои чувства, – ведь наши сердца слишком тесно связаны друг с другом для того, чтобы что-нибудь могло их когда-либо разъединить, – нет, но для того, чтобы уведомить меня о своем здоровье...»

Удивительно, но этот почти ребенок уже умел находить слова, которые могут исходить только от любящей женщины. И она была готова скрасить Наполеону всю его жизнь. А он был уверен в ней, а посему и не торопился с оформлением всех формальностей, связанных со свадьбой. И, скорее всего, виной тут был тот самый Париж с его бесчисленными красавицами, которых Наполеон начал иногда встречать в том

обществе, в которое корсиканца потихоньку начали подпускать. Кто была Дезире по сравнению с ними? Обыкновенной провинциалкой...

* * *

Короче говоря, прошло какое-то время, и Наполеон забыл свою малышку Клари, да так основательно, что сделал предложение подруге своей матери, уже овдовевшей в то время мадам Пермон. У нее, кстати, было двое детей, и ее дочь стала впоследствии женой генерала Жюно и герцогиней д'Абрантес.

Потом он пытал счастья у Марии-Луизы де Ля Бушардери, ставшей впоследствии мадам Лебо де Леспарда де Мезоннав. У той самой, что стала возлюбленной Мари-Жозефа Шенье (младшего брата знаменитого поэта) и во время владычества Конвента, членом которого тот был, вела в Пале-Эгалите (Пале-Руаяле) весьма разнузданную жизнь.

Как видим, Наполеона вдруг начали привлекать женщины тридцати, тридцати пяти и даже сорока лет, эдакие светские львицы, опытные в искусстве влюблять в себя.

* * *

Что же касается Дезире Клари, то она страдала. И когда

Наполеон женился, она писала ему скорбные письма, больше похожие на жалобы:

«Вы сделали меня несчастной на всю жизнь, а я еще имею слабость все прощать вам. Вы, значит, женаты! И отныне бедной Эжени не будет позволено любить вас, думать о вас <...> Единственное, что остается мне в утешение, это знать, что вы уверены в моем постоянстве; помимо этого, я не желаю ничего, кроме смерти».

Или вот еще такой отрывок из ее письма:

«Вы – женаты! Я не могу свыкнуться с этой мыслью, она убивает меня, я не могу ее пережить. Я покажу вам, что я более верна клятвам и, несмотря на то, что вы порвали соединявшие нас узы, я никогда не дам слово другому, никогда не вступлю в брак <...> Я желаю вам всяческого благополучия и счастья в вашей женитьбе; я желаю, чтобы женщина, которую вы избрали, сделала вас таким же счастливым, каким предполагала сделать я и таким вы заслуживаете быть...»

Бедная девочка! Она не перестала любить своего неверного друга и страшно страдала от того, что ее покинули. Но ее слезы уже не могли помочь.

Впрочем, ее жалобы тяжело ложились на душу Напо-

леона. Он испытывал угрызения совести каждый раз, когда вспоминал об этом, и сознавал, что ему нужно как-то поправить дело. Для этого он попытался найти для покинутой Дезире хорошую партию. И его выбор пал на генерала Леонара Дюфо, а 12 ноября 1797 года он написал своему брату Жозефу в Рим, где тот был французским послом и где также находились Жюли и Дезире:

«Тебе передаст это письмо генерал Дюфо. Он будет говорить тебе о своих намерениях жениться на твоей суженнице. Я считаю этот брак очень выгодным для нее, потому что Дюфо – отличнейший офицер».

Говорят, что Дезире была склонна дать свое согласие на этот вариант, но, к несчастью, генерал Дюфо был убит 28 декабря 1797 года в Риме прямо перед зданием французского посольства, которое пыталась штурмовать рассвирепевшая чернь.

После этого Наполеон назначил «в женихи» для Дезире своих адъютантов Мармона и Жюно, но оба они были отвергнуты. Однако три года спустя она, по-видимому, превозмогла себя и 17 августа 1798 года сделалась женой генерала Жана-Батиста Бернадотта.

Этот выбор не очень нравился Наполеону. Дело в том, что Бернадотт был ярым якобинцем и слыл врагом генерала Бонапарта, весьма далекого от идеалов Революции. Тем не менее Наполеон послал Дезире пожелания счастья, и уже через год она обратилась к нему с просьбой быть крестным отцом ее первенца. Для нее это был своеобразный реванш. У нее родился сын... Сын! А Наполеону не суждено было иметь наследника от Жозефины. Вот и вся логика этого типично женского поступка. Что же касается ребенка, появившегося на свет 4 июля 1799 года, то он получил героическое имя Оскар.

А чувствовавший себя виноватым перед ней Наполеон пошел еще дальше: придя к власти, он сделал Бернадотта маршалом, купил ему имение за 400 000 франков и наградил их обоих титулами князя и княгини де Понтекорво с рентой в 300 000 франков.

Кстати сказать, Бернадотт оплатил за все это Наполеону «по полной программе»: он вступил против императора в заговор, под конец даже открыто воевал против него, удивительным образом став наследником шведского престола.

Дезире с большим трудом согласилась ехать с мужем в Стокгольм. А в 1818 году Бернадотт стал королем Швеции и Норвегии Карлом XIV Юханом. Соответственно, королевой

стала и Дезире. Но даже на троне она не забыла того времени своей юности, когда любила генерала Бонапарта.

* * *

Бернадина-Эжени-Дезире Клари, королева и бывшая невеста Наполеона, умерла в возрасте 83 лет в Стокгольме. Произошло это 17 декабря 1860 года. Ее муж, Жан-Батист Бернадотт (он же король Карл XIV Юхан), скончался 8 марта 1844 года, и его на троне сменил их сын, ставший королем Оскаром I. Следует отметить, что представитель династии Бернадоттов (король Карл XVI Густав, родившийся в 1946 году) правит в Швеции и по сей день.

Глава 2. Мадам де Богарне

А еще в жизни нашего героя промелькнуло кратковременное увлечение некоей Викториной де Шатене, с которой он познакомился в Шатийоне, в гостях у родителей своего адъютанта Мармона (будущего маршала). Ну, а потом наступило время главной женщины в жизни Наполеона – время Мари-Роз-Жозефы Таше де ля Пажери. Для тех, кому это имя не знакомо, сразу же скажем, что эта женщина более известна как Жозефина де Богарне или просто как Жозефина.

Она была дочерью обедневшего аристократа Жозефа-Гаспара Таше де ля Пажери, служившего в королевском военном-морском флоте. Соответственно, матерью Жозефины была Роз-Клер де Верже де Саннуа.

Эжен де Богарне, сын Жозефины от первого брака, в своих «Мемуарах» пишет:

«Моя мать, Жозефина Таше де ля Пажери, родилась на Мартинике. Ее семья и семья моего отца с давних времен бы-

ли связаны узами дружбы, а мой дед, командир королевской эскадры, одно время был губернатором Антильских островов».

Жозефина родилась 23 июня 1763 года.

Она хоть и была невысокого роста, но считалась самой красивой из своих сестер. Она обладала грацией и своеобразием креолки, а также живым и непосредственным характером. На Мартинике ее не связывали никакие правила поведения, и она росла, как дикая газель, носясь по роскошному острову и любуясь его дивной природой. Как следствие, она не получила практически никакого образования, хотя и провела четыре года в монастырской школе в Форт-Руаяле. Там она научилась некоторым азам «дамской науки» – пению, танцам, чтению, письму и игре на гитаре, но даже в этих не самых замысловатых областях она не проявила каких-либо заметных способностей.

* * *

На том же сказочном острове, что так любила Жозефина, жили и воспитывали своих детей и представители другой аристократической семьи, и один из ее отпрысков был предназначен сыграть ключевую роль в жизни нашей креолки. Понятно, что речь в данном случае идет о семействе де Богарне.

В 1778 году маркизу Франсуа де ля Ферте-Богарне, жив-

шему во Франции, пришла в голову счастливая мысль женить младшего из своих двух сыновей, импульсивного Александра. Семья де Богарне давно дружила с семьей Таше де ля Пажери, а у последних было три дочери, одна другой краше. Это дало повод для начала деловой переписки.

Жозеф-Гаспар писал об одной из дочерей:

«Ей, правда, скоро будет только пятнадцать, но она красива, хорошо сложена».

Франсуа отвечал:

«Мне бы очень хотелось, чтобы ей было на несколько лет поменьше. Тогда бы она, без сомнения, получила предпочтение. Моему сыну всего семнадцать с половиной, и он находит, что пятнадцатилетняя девушка слишком близка к нему по возрасту».

Жозеф-Гаспар вдохновенно расхваливал свой «товар»:

«Но у нее формы на зависть...»

Франсуа отвечал:

«Хорошо, чего тут долго рассуждать. На какую укажете, ту и присылайте. Мне лично все равно».

Так Жозефина стала невестой. Одна ее сестра – Катрин-Дезире – к тому времени уже умерла от туберкулеза, а другая – Мария-Франсуаза – наотрез отказалась уезжать от матери. Жозефина же оказалась гораздо дальновиднее своей младшей сестры: она издалека и очень верно почувствовала возможность роскошной жизни во Франции, тут же вызвалась заполнить образовавшуюся «брешь» и принялась паковать свои небогатые пожитки.

Это была ловкая операция и отличное приобретение для семьи, которая все еще продолжала ютиться в сахарных амбарах и ждать, когда появится какой-нибудь «добрый дядя» и перестроит им разрушенное ураганом поместье.

Отец Жозефины, несомненно, сильно обрадовавшийся предстоящей увеселительной поездке с полной оплатой всех расходов, пообещал приехать во Францию со своей дочерью в апреле или в крайнем случае в мае 1779 года. Однако и 24 июня он еще оставался на Мартинике.

* * *

В конечном итоге им удалось высадиться в Бресте лишь 12 октября 1779 года.

Маркиз Франсуа де ля Ферте-Богарне с сыном встретили их и проводили до Парижа. В дороге их сопровождала деятельная мадам де Реноден.

Молодой жених был на три года старше Жозефины. В некоторых источниках утверждается, что в свое время, когда они были маленькими детьми, они виделись на Мартинике, но тогда Жозефина якобы была еще слишком мала, чтобы мальчик обратил на нее хоть какое-то внимание. Подобное представляется вполне вероятным: Александр уехал во Францию в 1767 году, когда Жозефине было лишь четыре года.

Сейчас Жозефина была уже постарше. Историк Виллиан Слон утверждает, что она не отличалась «ни красотой, ни образованием, но была уже весьма зрела для своих лет. Тем не менее благодаря живому уму и характеризующей креолку изящной гибкости движений она была до чрезвычайности привлекательна». Однако теперь внешность новоявленной невесты несколько разочаровала Александра, но зато его приятно удивил ее мягкий характер. По словам Франсуазы Важнер, «по мере того, как молодые люди приближались к Парижу, благоприятное впечатление усиливалось».

Сам Александр де Богарне успел стать блестящим во всех отношениях молодым человеком. Значительную часть своего отрочества он прожил в доме герцога де Ларошфуко. По словам Бернара Шевалье, «для юного виконта Луи-Александр де Ларошфуко стал поводырем, моделью, нравственным ориентиром». В его доме он впитал в себя либеральные идеи, которые помогли ему занять высокое положение в обществе, а впоследствии стоили ему жизни.

В Париже Жозефина поселилась в доме де Богарне на улице Тевено, что буквально в двух шагах от знаменитой улицы Сен-Дени.

10 декабря 1779 года был составлен брачный договор. Его заверил нотариус, подтвердив, что жених гарантирует доход в 40 000 ливров (наследство, оставленное бабушкой), а невеста – в 20 000 ливров (подарок тетушки), к которым следовало еще приплюсовать 15 000 ливров в счет недвижимости на Мартинике и ренту в 5000 ливров, которая должна была возрасти до 100 000 ливров после смерти ее отца. Ко всему этому добавлялся дом в Нуаси-ле-Гран под Парижем, подаренный мадам де Реноден.

Пара обвенчалась 13 декабря 1779 года в Нуаси-ле-Гран в присутствии аббата де Таше, одного из многочисленных родственников господина де ля Пажери. Невесте было 16 лет, жениху – 19 лет. Жозефина, только что покинувшая жалкую плантацию, была на вершине счастья.

Однако разочарование не заставило себя ждать. Абсолютно неприспособленная к жизни в аристократической среде и не имевшая в своем распоряжении никаких средств, кроме молодости, свежести и природного умения одеваться, Жозефина быстро надоела своему супругу, и он, пренебрегая маленькой креолкой, вскоре потянулся в общество более утон-

ченных дам.

Бесконечные сцены со слезами сводили с ума Александра де Богарне, но не меняли характера его поведения.

Прошло еще какое-то время, и 3 сентября 1781 года в семействе де Богарне произошло событие, которое на некоторое время оторвало Александра от привычного вихря удовольствий. У его жены в этот день появился первенец, мальчик, будущий вице-король Италии. Его называли Эжен-Роз.

После этого, побыв с женой совсем немного времени, Александр вновь надолго исчез из ее поля зрения. Однако не следует думать, что он лишь развлекался. В сентябре 1782 года, например, он отбыл на войну, которая началась с Англией, этим извечным противником Франции.

А 10 апреля 1783 года Жозефина родила второго ребенка, на этот раз девочку, Гортензию-Эжени-Сесилию, будущую королеву Голландии, будущую супругу брата Наполеона и будущую мать императора Наполеона III.

Рождение второго ребенка несколько остудило Александра де Богарне, вернувшегося с войны в сентябре 1783 года, и Жозефине даже показалось, что их отношения наладились.

Надо сказать, что он был весьма странный человек, этот ее Александр. Хотя он и был обласкан вниманием королевской четы, ему, воспитанному в лучших традициях эпохи Просвещения и критически относившемуся к правящему во Франции режиму, претило времяпрепровождение в коридо-

рах Лувра и Версаля. Со своей стороны Жозефина, напротив, всей душой истинной провинциалки стремилась к блеску и мишуре королевского двора. Поведение же мужа, лишившего ее удовольствий светской жизни, не вызывало у нее ничего, кроме раздражения и протеста.

Александр, в свою очередь, был убежден в том, что не может привести свою молодую супругу в королевский дворец. Зато он ввел ее в парижский бомонд. Время от времени они появлялись в модных салонах, и ее, островитянку, ослеплял этот головокружительный вихрь столичной жизни, жизни, полной самых приятных удовольствий и развлечений. Но она сильно страдала из-за того, что муж продолжал считать ее деревенщиной. И она изо всех сил старалась наверстать упущенное: стала много читать, подолгу беседовала с обратившими на нее внимание поэтами, писателями и учеными, как губка, впитывая недостающие знания.

К сожалению, ничто уже не могло поправить их пошатнувшийся брак.

* * *

Довольно скоро Жозефина убедилась, что тяготит любвеобильного (на стороне) супруга и все сильнее раздражает его. Она предприняла через своих новых друзей из высшего света попытки вернуть мужа, но Александр холодно их отверг. У него тогда уже были совсем другие интересы и планы на

будущее.

В марте 1785 года супруги развелись, и главный судья Парижа вынес решение, заставлявшее виконта Александра де Богарне выплачивать ежегодно по 6000 луидоров на содержание детей и бывшей жены, не имевшей никакого дохода.

Таким образом, Александр стал открыто жить с одной из своих любовниц, а Жозефина получила средства на содержание и временную опеку над обоими детьми.

Несчастливая и подавленная всем, что произошло, она провела год в монастыре Пантемон, предназначенном как раз для женщин, жизнь которых пошла кувырком. В монастыре она всего за несколько месяцев выучилась всему тому, чего желал ей муж, когда она приехала к нему 16-летней невестой. Освоив манеры и обычаи аристократического общества, она пришла в себя и нашла, что ей негоже вечно принадлежать к числу женщин, которые сидят и горюют о прошлом.

Первое потрясение от расстроившегося брака улетучилось, и Жозефина вовсю стала наслаждаться свободой и значительными средствами, которые определил ей суд. При этом (и в этом ей надо отдать должное) она оставалась преданной своим детям и настолько доброжелательной ко всем ее окружавшим, что скоро приобрела еще больше хороших и полезных друзей.

Почти три года Жозефина наслаждалась свободой, с головой окунувшись в заманчивый мир модных парижских ла-

вок и светских салонов. О муже (с ним продолжал активно общаться лишь маленький Эжен) Жозефина знала лишь то, что он получил чин майора.

А потом, в июле 1788 года, ей пришлось вернуться в родной дом на Мартинике, чтобы ухаживать за больными родителями: отцу в то время было 53 года, матери – на год меньше. С собой Жозефина взяла лишь пятилетнюю Гортензию, а вот семилетний Эжен был оставлен Фанни де Богарне (урожденной Марии-Анне-Франсуазе Мушар), тетке Жозефины, жившей в Париже.

На Мартинике Жозефине казалось, что ей так и суждено будет теперь коротать свой век вдали от полюбившейся ей Франции. Но революция 1789 года изменила ее судьбу и судьбы ее детей. Беспорядки охватили и далекий остров в Вест-Индии, дворянам стало небезопасно там оставаться, и в конце 1790 года, после смерти отца (Жозеф-Гаспар Таше де ля Пажери умер 7 ноября 1790 года), Жозефина с дочерью вновь приехала в Париж.

* * *

Между тем в 1789 году Александр де Богарне был избран депутатом Генеральных штатов, этого высшего сословно-представительского органа, созывавшегося обычно по инициативе королевской власти в критические моменты для оказания помощи правительству. До этого они не собира-

лись аж с 1614 года. А уже 17 июня 1789 года депутаты от Третьего сословия, то есть от податного населения (буржуа, купцов, ремесленников и т. д.), объявили себя Национальным собранием, то есть нижней палатой Парламента. Несмотря на свое дворянское происхождение, Александр де Богарне поддержал депутатов от Третьего сословия. Он вошел в состав Национального собрания и занял пост его секретаря. Там он ратовал за отмену привилегий, за допуск всех граждан к государственным должностям и за равенство всех перед судом.

9 июля Национальное собрание провозгласило себя Учредительным собранием, ставшим высшим представительным и законодательным органом революционной Франции.

Когда 21 июня 1791 года в Париже стало известно о бегстве короля, Александр де Богарне своим благоразумием удержал депутатов от принятия опрометчивых репрессивных мер.

Как видим, когда Жозефина возвратилась в Париж в 1790 году, революция была в самом разгаре, а ее заблудший муж Александр был уже достаточно известным человеком.

Хаотическое состояние дел в стране помогло бывшим мужу и жене в какой-то степени уладить личные разногласия и стать почти друзьями в своих взаимоотношениях.

Историк Виллиан Слоон пишет:

«Жозефина со своими детьми вернулась во Францию, надо полагать, по просьбе мужа, так как немедленно приехала

к нему в поместье, где они и жили «как брат и сестра» до тех пор, пока гражданина Богарне не назначили главнокомандующим Рейнской армии».

В это время Франсуа де Богарне, брат Александра, был вынужден эмигрировать. Это позволило ему прожить почти 90 лет и спокойно умереть естественной смертью. К сожалению, сам Александр не последовал его примеру. Когда же царствующие дворы Европы объявили Французской республике войну, он поспешно отправился на фронт.

Сначала он сражался в рядах Северной армии, отличился в нескольких сражениях против пруссаков и австрийцев и был произведен в бригадные генералы. 8 марта 1793 года он уже был дивизионным генералом, а 23 мая того же года – главнокомандующим Рейнской армии.

Не прошло и месяца, как ему предложили пост военного министра, но Александр де Богарне отказался, а после принятия якобинским Конвентом закона о запрещении дворянам служить в армии немедленно подал в отставку.

* * *

Во время якобинского террора Александру де Богарне было приказано уехать в провинцию, и он поселился в своем поместье Ля Ферте-Богарне. Но прожить там тихо и спокойно ему не удалось. Вскоре его доставили в Париж. Поводом послужил донос на его действия на посту главнокоман-

дующего. Генерала обвинили в том, что своими действиями, а вернее их отсутствием, он способствовал сдаче Майнца неприятелю, что было равносильно измене.

Далее все было банально просто: его бросили в тюрьму, потом вызвали в трибунал, скорый суд приговорил его к смерти, и на следующий день приговор привели в исполнение.

Так, 23 июля 1794 года Александра де Богарне не стало.

* * *

Смерть на гильотине означала, что смертельная опасность нависла и над всеми родными и близкими генерала. И она не заставила себя долго ждать, тем более что реакция Жозефины на арест бывшего мужа оказалась типичной для женщин ее типа. Вместо того чтобы не высовываться и не навлекать на себя неприятности, она перевернула все вверх дном и поставила всех на ноги ради того, чтобы попытаться вызволить экс-супруга. В результате какой-то «доброжелатель» отправил в Комитет Общественного Спасения анонимку, в которой предостерегал власти, призывал «опасаться бывшей виконтессы де Богарне, у которой полно знакомств в кабинетах самых важных министров».

Неминуемым результатом стало то, что в том же 1794 году Жозефина тоже оказалась за решеткой: ее отправили на улицу Вожирар, где находилась ужасная тюрьма Ле-Карм, на-

ходившаяся в здании бывшего Кармелитского монастыря. И она, несомненно, тоже сложила бы свою голову на гильотине, если бы не подоспел переворот 9-го термидора (27 июля 1794 года), сваливший вождей якобинцев Робеспьера и Сен-Жюста.

Рональд Делдерфилд рассказывает:

«Страшась своей собственной неминуемой гибели, группа негодяев арестовала Робеспьера и его окружение и гильотинировала их всех менее чем за двадцать четыре часа. Эта группа абсолютно не собиралась прекращать террор. Ее члены пошли на такой шаг ради спасения своих собственных шкур. Однако теперь парижане с лихвой получили кровопускание. Его уже давно можно было бы остановить, если бы жертвы не выказывали на плахе такого мужества, а вопили бы и рыдали, как это делала Жозефина в Ле-Карме. А термидорианцы вдруг с недоумением обнаружили, что огромное большинство сограждан принимают их за спасителей и освободителей от тирании.

Они сделали то, чего в сложившихся обстоятельствах могли от них ждать. Они приняли полученную в кредит благодарность, приукрасили свой фасад, сформировали Директорию и арестовали прежних своих сообщников <...> Тюрьмы быстро опустели, и среди первых узников, освещенных лучами солнца, оказалась Жозефина».

6 августа 1794 года в коридоре возле камеры Жозефины раздался громкий крик надсмотрщика:

– Вдова Богарне, вы – свободны!

От счастья Жозефина потеряла сознание...

Придя в себя, она тут же отправилась на поиски своих детей, скрывавшихся в это время у надежных друзей, имена которых не дошли до нас. Выяснилось, что после гибели отца и заключения в тюрьму матери, согласно определению правительства о том, что дети дворян были обязаны изучать какое-нибудь ремесло, Эжен был отдан в подмастерья к столяру, а его сестра Гортензия стала обучаться у портнихи в парижской модной лавке.

Надо было как-то и на что-то жить, и Жозефина недолго думала, как ей поступить. В тюрьме она перенесла страшные испытания, научившие ее очень многому, а посему она немедленно начала подыскивать себе покровителя. Для начала она возобновила свои прежние связи. Однако денег по-прежнему не было, зато были малолетние дети на руках, и их надо было кормить...

К этому времени Жозефина уже не была той испуганной провинциалкой, какой она предстала перед своим бывшим мужем пятнадцать лет назад. Перспектива смерти чудесным образом отпала, и теперь ей хотелось расслабиться, вновь на-

девать красивые наряды, ходить на приемы, сплетничать и поскорее забыть свое отвратительное прошлое.

Десмонд Сьюард в своей книге «Семья Наполеона» пишет:

«Креолка по происхождению, она превратилась в истинную парижанку, с присущей ей тонкостью, шиком и фривольностью, которых требует светская жизнь. Новая эпоха как нельзя лучше подходила для этой искательницы приключений. То было время, когда благодаря любовникам можно было добиться богатства и положения в обществе. Если дама была недурна собой и готова продаваться, так перед ней тотчас открывались самые блестящие перспективы».

Понимая, что теперь ей предстоит беспокойная жизнь куртизанки, Жозефина сняла недорогую квартирку, где открыла салон и принимала в нем богатых клиентов: банкиров, крупных дельцов, политиков, стоявших у власти. Но денег, полученных за продажную любовь, все равно не хватало – ее новая профессия требовала больших затрат. Тогда Жозефина принялась обхаживать более крупную дичь, одного из руководителей термидорианцев «кабана» Поля Барраса, ставшего к этому времени одним из самых могущественных людей во Франции.

* * *

Новый вождь республики с сочувствием отнесся к моло-

дой вдове, пострадавшей от якобинского террора. По-видимому, она увлекла его, и, вероятно, он был для нее больше, чем просто покровитель. Во всяком случае, он поместил Жозефину и ее детей в роскошный дом и принялся исполнять все ее прихоти. Жозефина, не отличавшаяся строгостью поведения, была окружена золотой молодежью, кутилами и прожигателями жизни, добивавшимися ее благосклонности. В салоне ее всегда было весело и шумно и легко забывались все заботы и кровавые дни террора. Немного поблекшая красавица, которой уже было тогда тридцать два года, она умела все же искусно скрывать следы времени на своей наружности. Она была грациозна, мила, кокетлива и умела прекрасно одеваться.

Целых девять месяцев Жозефина пребывала на вершине блаженства.

Но потом Поль Баррас стал тяготиться своей любовницей, лишавшей его прежней беззаботности и свободы, и все чаще подумывал, кому бы ее половчее спихнуть, но пока не находил вокруг достойных кандидатов.

* * *

Историк Рональд Делдерфилд описывает Жозефину де Богарне следующим образом:

«Она была, скорее, статной, нежели красивой, грациозной, нежели пленительной. Обладала хорошей фигурой,

приятным голосом, правильными чертами лица и на редкость плохими зубами. Настолько плохими, что она научилась смеяться, не показывая их. Она знала все, что необходимо знать, чтобы в самом выгодном свете демонстрировать свои привлекательные стороны. Бог наделил ее изысканным вкусом, никогда не позволявшим ей надевать вещи, которые ей не шли».

У Десмонда Сьюарда читаем:

«В ее тридцать два года Жозефину трудно было назвать даже хорошенькой: с неправильными чертами и отвратительными зубами (ей даже пришлось приучиться улыбаться, не показывая их), она была далеко не красавицей. И тем не менее она обладала особой притягательностью <...> и знала, как извлекать наибольшую выгоду из своих достоинств, к числу которых относились роскошные шелковистые волосы каштанового цвета и темно-голубые глаза с удивительно длинными ресницами <...> Вообще в ней было нечто экзотическое, во Франции восемнадцатого столетия она была наиболее близка к тому, что принято именовать южной красоткой. Одевалась она безукоризненно, умело и с шиком носила драгоценности и постоянно окружала себя цветами, морем цветов. Более того, эта аристократическая гражданка была до мозга костей аморальна и с таким опытом в постельных утехах, который и не снился молодому генералу Буонапарте».

Глава 3. Гражданка Бонапарт

Хотя Жозефина и была по уши в долгах, тем не менее она всячески «пускала пыль в глаза», стараясь создать в глазах окружающих эффект полного благополучия и богатства. На некоторых ей удавалось произвести впечатление, но большинство понимало, что она – всего лишь содержанка Поля Барраса с двумя малолетними детьми на руках. А вот последнему, как мы уже знаем, она изрядно поднадоела, и он принялся искать для нее достойную партию.

Подходящим кандидатом оказался Наполеон Бонапарт, в услугах которого нуждался Баррас, и он счел, что чары Жозефины лучше всего помогут ему в подчинении молодого талантливому генерала, назначенного в 1795 году командующим Внутренней армией.

С другой стороны, Жозефина де Богарне принадлежала одновременно к обществу старого и нового режимов. Брак с ней мог создать Наполеону тот прочный фундамент в обществе, которого ему так не доставало. Он мог заставить французов забыть про его собственное скромное корсиканское происхождение.

Итак, в октябре 1795 года случай свел виконтессу де Богарне с Бонапартом, и имя этого «случая» – Поль Баррас. Именно он познакомил Наполеона с Жозефиной, та произвела на него впечатление, и стоило ей немного поощрить ма-

лоопытного в подобных делах генерала, как в его сердце запылала страсть. То, что репутация Жозефины была далеко не безупречна, для него не имело значения.

Что же касается Барраса, то ему был очень выгоден роман Наполеона с Жозефиной, и он всячески поддерживал генерала в стремлении сойтись с ней поближе.

Как только Жозефине начали поступать подарки от Наполеона, она поняла, что этот весьма перспективный человек, можно сказать, уже у ее ног. Но она доверительно заметила Баррасу, что этот коротышка мало что для нее значит, ведь происходит он из «заурядной семейки» и не имеет ни гроша за душой.

– Я подумала, что поступлю мудро, – сказала она, – если не стану рассказывать ему о моем кошмарно затруднительном положении, ведь генерал наивно полагает, будто я не испытываю недостатка в средствах. Умоляю вас, только не говорите ему, что это не так, а иначе вы все испортите.

Поль Баррас лишь одобрительно кивал и многозначительно улыбался...

* * *

Как мы понимаем, грациозная креолка сразу поразила воображение 26-летнего генерала Бонапарта, и он принялся испепелять ее горящим взглядом. Храбрый на поле битвы, Наполеон, однако, был весьма робок в отношениях с жен-

щинами, вниманием которых он не был избалован. Несколько дней ему потребовалось на то, чтобы решиться первый раз заговорить с Жозефиной. Она же, будучи женщиной опытной, ободрила его, с восторгом отозвавшись о его военных подвигах. По признанию самого Наполеона, эти похвалы буквально опьянили его. После этого он не мог говорить ни с кем другим и не отходил от нее ни на шаг. Совершенно очевидно, что это была любовь с первого взгляда.

Жозефина овладела Наполеоном всецело и вскоре уже стала казаться ему идеалом женщины. Ее же смущало лишь одно: ей было уже, как говорится, «за тридцать». Конечно же, она умела искусно скрывать это, но терять время было нельзя. После казни мужа Жозефина осталась одна с двумя детьми на руках, и влюбленный генерал Бонапарт виделся ей весьма перспективной партией. Неважно, что он был маловат ростом, а его мундир был изношен до неприличия. Жозефина с первого дня знакомства смогла разглядеть в нем человека, для которого не существует ничего невозможного. Короче говоря, ей нужен был мужчина, на которого можно было опереться, и Наполеон был именно таким мужчиной.

Самого же Наполеона влекла к Жозефине только любовь, безумная любовь впечатлительного южанина, закомплексованного и истосковавшегося по женскому вниманию. Он, как мы знаем, находился в состоянии поиска и испытывал душевные страдания из-за отсутствия любимого человека, кровь его кипела, желания захлестывали разум, а посему

прошлого Жозефины его не волновало, и союз с виконтессой де Богарне представлялся ему вершиной счастья.

* * *

А 9 марта 1796 года, спустя всего пять месяцев после их первой встречи, Наполеон и Жозефина сочетались гражданским браком.

Понятно, что для Жозефины это был «брак по расчету», но это не хорошо и не плохо. Ведь важен не сам факт расчета, а то, что удастся из всего этого создать. Кстати, многие люди бывают вполне довольны таким браком, а многие – несчастливы. Так что все зависит от конкретного человека.

А вот Наполеон, естественно, женился по большой любви. Но не только, ведь кроме любви (или влюбленности) существует еще очень много причин для вступления в брак. Но, поскольку любовь заслоняет собой все, на первом этапе эти причины даже не осознаются. Например, в случае с Наполеоном явно имел место так называемый «корсиканский фактор», ибо на Корсике семья – это традиционно был показатель успешности и социальной реализованности. Мужчина без семьи там считался пустым местом, неудачником, горем луковым...

Накануне у нотариуса Рагидо был составлен брачный договор. В нем жених не заявил никакого имущества, кроме шпаги и мундира, но каким-то одному ему известным обра-

зом гарантировал жене на случай своей смерти пожизненную пенсию в 1500 франков ежемесячно. В этом документе имелся и еще ряд неточностей (о них более подробно будет рассказано ниже), на которые нотариус, скажем так, «не обратил внимания».

Следует отметить также, что на поспешно организованной регистрации брака помимо самих Бонапарта и Жозефины присутствовало всего пять человек. Из адъютантов Бонапарт взял с собой первого попавшегося под руку Лемаруа, который оказался настолько юным, что не имел официального права быть свидетелем. Но могло ли это юридическое несоответствие остановить человека, чье имя позднее стал носить Гражданский Кодекс?

В парижских салонах потом еще долго посмеивались над этим поспешным браком корсиканца с любовницей Барраса, которая к тому же была старше его и имела двоих детей. А вот генерал Гош, также в свое время пользовавшийся вниманием Жозефины, отозвался об этом браке по-солдатски резко:

– Совершенно естественно взять шлюху в любовницы, но это не значит, что ее следует делать законной женой.

Всего лишь один день, 10 марта 1796 года, Наполеон и Жозефина смогли позволить себе провести в счет медового месяца, а уже 11 марта Наполеон отбыл к новому месту своего назначения (за неделю до этого он был утвержден Директорией главнокомандующим армии, стоявшей на юге стра-

ны, на самой границе с Италией).

* * *

А потом была война и блестящие победы Наполеона при Монтенотте и при Лоди. После очередного победоносного сражения при Миллезимо Наполеон отправил своего адъютанта Жюно в Париж для представления Директории неприятельских трофеев, добытых в результате этих побед. Этой официальной миссии Жюно, однако, сопутствовало и личное поручение главнокомандующего, связанное с Жозефиной.

Многими историками отмечается тот факт, что страстное корсиканское сердце Наполеона, впервые полюбившее истинной любовью, невыносимо страдало в то время в разлуке с Жозефиной. Он слал ей в Париж письмо за письмом и практически в каждом умолял приехать к нему в Италию, чтобы разделить с ним славу и счастье.

Например, 3 апреля 1796 года он писал:

«Моя единственная Жозефина, вдали от тебя весь мир кажется мне пустыней, в которой я один <...> Ты овладела больше чем всей моей душой. Ты – единственный мой помысел; когда мне опостылевают докучные существа, называемые людьми, когда я готов проклясть жизнь, тогда опускаю я руку на сердце: там по-

коится твоё изображение; я смотрю на него, любовь для меня абсолютное счастье <...> Какими чарами сумела ты подчинить все мои способности и свести всю мою душевную жизнь к тебе одной? Жить для Жозефины! Вот история моей жизни...»

Посылая Жюно в Париж, Наполеон в очередной раз написал Жозефине. Вот это письмо от 24 апреля 1796 года:

«Ты должна приехать с ним, слышишь? Если, на мое несчастье, он вернется один, то я буду безутешен. Он увидит тебя, мой обожаемый друг, он будет дышать с тобой одним воздухом! Может быть, ты удостоишь его единственной, бесценной милости поцеловать твою щеку!»

Приезд Жюно в Париж стал своего рода праздником, днем патриотических восторгов, пушечной пальбы и колокольных звонов, возвещавших ликующему городу торжество Победы.

После торжественной передачи знамен Жюно тут же произвели в полковники, а потом в Люксембургском дворце был дан пышный бал. Жозефина была царицей этого бала. Стоявшая вокруг дворца огромная толпа парижан скандировала: «Да здравствует генерал Бонапарт! Да здравствует гражданка Бонапарт!»

Однако самое трудное в миссии Жюно было впереди. Как

убедить Жозефину отправиться к мужу? В Париже ей жилось привольно, о ее победоносном муже все только и говорили, а суровость походной жизни и тяготы войны – все это ее лишь отпугивало. Как следствие, она всячески откладывала отъезд, используя для этого различные предлоги. То она сказывалась больной, то вдруг объявила о том, что беременна...

Но Наполеон был неумолим, проявляя в своей настойчивости все больше нетерпения.

Вот, например, его письмо от 17 июля 1796 года:

«С тех пор, как мы расстались, я все время печален. Мое счастье – быть возле тебя. Непрестанно думаю о твоих поцелуях, о твоих слезах, о твоей обворожительной ревливости, и прелести несравненной Жозефины непрестанно воспаляют мое все еще пылающее сердце и разум. Когда освобожусь я от всех тревог, всех дел, чтобы проводить с тобой все минуты моей жизни; когда моим единственным занятием будет любить тебя и думать о счастье, говорить тебе и доказывать это? Я пошлю тебе твою лошадь; все же надеюсь, что ты скоро сможешь ко мне приехать <...>

Ах, молю тебя, открой мне какие-нибудь твои недостатки! Будь менее прекрасна, менее любезна, менее нежна, и прежде всего – менее добра! Никогда не ревнуй и не плачь; твои слезы лишают меня разума, жгут ме-

ня. Верь мне, что теперь у меня не может быть ни одной мысли, ни одного события, которые не принадлежали бы тебе.

Поправляйся, отдыхай, скорей восстанови свое здоровье. Приезжай ко мне, дабы мы, по крайней мере, могли сказать раньше, чем придет смерть: «У нас было столько счастливых дней!»

Миллион поцелуев...»

Но время шло, и в практически ежедневных посланиях Наполеона Жозефине среди множества прекрасных слов любви и нежности все чаще и чаще начало проскальзывать раздражение:

«Я больше тебя не люблю... Наоборот, я тебя ненавижу. Ты – гадкая, глупая, нелепая женщина. Ты мне совсем не пишешь, ты не любишь своего мужа. Ты знаешь, сколько радости доставляют ему твои письма, и не можешь написать даже шести беглых строк.

Однако чем вы занимаетесь целый день, мадам? Какие важные дела отнимают у вас время, мешают вам написать вашему возлюбленному? Что заслоняет вашу нежную и стойкую любовь, которой вы так ему хвастались? Кто этот новый соблазнитель, новый возлюбленный, который претендует на все ваше время, мешая вам заниматься вашим супругом? Жозефина, берегись, а не

то однажды ночью твои двери будут взломаны, и я предстану пред тобой.

В самом деле, моя дорогая, меня тревожит то, что я не получаю от тебя известий, напиши мне тотчас четыре страницы и только о тех милых вещах, которые наполнят мне сердце радостью и умилением.

Надеюсь скоро заключить тебя в свои объятия и осыпать миллионом поцелуев...»

В конечном итоге Жозефине не осталось ничего, как уступить просьбам и мольбам Наполеона. Отметим, что в этом решении ее еще более укрепила взбучка, которую ей устроил всесильный в то время Баррас, к которому накануне в полном отчаянии прибежал военный министр Карно и объявил, что если Жозефина тотчас не отправится в Италию, то генерал Бонапарт грозит бросить Итальянскую армию и возвратиться в Париж.

* * *

В результате после обеда с Баррасом в Люксембургском дворце Жозефина все же села в экипаж, чтобы отправиться наконец к своему мужу. Она выехала из Парижа в сопровождении целой группы людей, которая включала Жюно и брата Наполеона, Жозефа Бонапарта.

Ехала Жозефина с большой неохотой и вся в слезах. Ко-

нечно же, ей совершенно не хотелось покидать ее милый и веселый Париж. Но среди ее спутников тут же нашелся тот, кто сумел развеять ее печальное настроение. Этим человеком оказался молодой гусарский офицер Ипполит Шарль – адъютант генерала Леклерка. Как-то незаметно он сначала оказался в одной карете с Жозефиной, а вскоре полностью завладел ее вниманием.

Этот все более и более явный флирт Жозефины с красавцем гусаром происходил на глазах Жюно и всех остальных. И вообще с самого первого вечера эта поездка стала походить на свадебное путешествие Жозефины и ее нового приятеля. По сути, не обращая внимания на окружающих, на каждой стоянке они спешили в приготовленную для них комнату и предавались удовольствиям.

* * *

Таким вот образом Жозефина прибыла в Милан. Но Наполеона в Милане не оказалось: все-таки шли военные действия, и они задержали его в Вероне.

Из Милана Жозефина, разлученная со своим любовником, переехала сначала в Брешию, а затем в Верону...

Наконец, они встретились, и Наполеон был счастлив. А вскоре Жозефина объявила, что возвращается в Париж. И там ее приезд стал триумфом. Толпы народа с восторгом приветствовали «спутницу жизни великого героя, чьи по-

двиги были достойны победителей античных времен». Повсюду стреляли из пушек, трубили в трубы, дети кидали в воздух цветы, поэты читали стихи. Креолка принимала все эти почести, но сама думала совершенно о другом: она торопилась найти своего дорогого Ипполита Шарля.

Он, кстати, тоже в это время уже вернулся в Париж.

* * *

А затем генерал Бонапарт, окончательно сокрушив австрийцев, подписал с ними мир в Кампо-Формио и 5 декабря 1797 года тоже вернулся в Париж.

В Париже он тут же поехал на улицу Шантрэн, специально переименованную в улицу Победы, чтобы обнять свою жену. Но дом, понятное дело, оказался пустым. Пробежав по комнатам, Наполеон встретил слугу и спросил:

— А где же мадам?

Когда он узнал, что Жозефины вообще нет в Париже, глаза ревнивого корсиканца налились кровью. В тот день он написал своему брату Жозефу:

«Я страдаю от личного горя. Наконец пелена спала с моих глаз...»

Лишь 2 января 1798 года Жозефина прибыла в Париж, такая красивая, такая волнующая и кокетливая, и она, как

всегда, нашла тысячу оправданий своему отсутствию, а Наполеон, как всегда, сам не заметил, как оказался у ее ног и все ей простил. Правильно говорят, что страсть сильнее ревности. А любовь – она как горячка. Она делает глупыми даже самых умных людей, а слабыми – даже самых сильных.

* * *

Естественно, уже в начале 1798 года Наполеон узнал от своего брата Жозефа и от других родственников о «проделках» Жозефины, а также о том, что она практически ежедневно встречалась с Ипполитом Шарлем в одном из домов предместья Сент-Оноре. Разъяренный Наполеон высказал жене все, что он о ней думает, для полноты эффекта разбил цветочный горшок и ушел, хлопнув дверью. Но Жозефина явилась к нему ночью, осыпала его ласками, и он, как всегда, не мог перед ней устоять.

* * *

А в мае 1798 года Наполеон опять вынужден был надолго уехать из Парижа.

Дело в том, что Директория приняла решение об экспедиции в Египет, и возглавил ее, конечно же, Наполеон Бонапарт, самый непобедимый из французских генералов.

Жозефина проводила мужа до Тулона, и их расставание было удивительно трогательным. Предвидя опасности, предстоявшие французам в заморских странах, они вполне могли думать, что расстанутся навечно. Эскадра вышла в море 19 мая.

Забегая вперед, скажем, что Наполеон вернется из Египта лишь 16 октября 1799 года, то есть через семнадцать месяцев. Это очень длительный срок, а Ипполит Шарль все это время оставался с Жозефиной в Париже, и уже в апреле 1799 года он обосновался в только что купленном Жозефиной дворце в Мальмезоне.

* * *

Основные вехи Египетской экспедиции Наполеона таковы: капитуляция Мальты, взятие Александрии, победа у Пирамид, уничтожение французского флота при Абукире, захват Яффы, неудачная осада крепости Сен-Жан-д'Акр...

Наступил июнь 1799 года, и тут произошло одно весьма примечательное событие (о нем так или иначе пишут все биографы Наполеона), которое наложило отпечаток на отношения Наполеона и Жюно и круто повернуло всю дальнейшую судьбу последнего. Впрочем, не о Жюно сейчас идет речь, а произошло следующее: у фонтанов Мессудии, под Аль-Аришем, Жюно, шедший, как обычно, рядом с главнокомандующим, сказал ему что-то такое, от чего лицо Напо-

леона страшно побледнело. Впоследствии выяснилось, что Жюно рассказал Наполеону о том, что его любимая Жозефина ему неверна.

Большинство авторов, описывающих этот очень серьезный по своим последствиям разговор, основываются на воспоминаниях бывшего в то время личным секретарем Бонапарта Луи-Антуана Бурьенна, а тот свидетельствует:

«Под Аль-Аришем я увидел Бонапарта, прохаживающегося одного с Жюно, как это довольно часто с ним случалось. Я был неподалеку и, не знаю почему, наблюдал за ним во время этого разговора. Лицо генерала, всегда очень бледное, сделалось между тем еще блее обыкновенного. В чертах его появилось нечто судорожное, во взоре – нечто дикое, и он несколько раз ударил себя по голове. Поговорив еще с четверть часа, он оставил Жюно и подошел ко мне. Я никогда еще не видел его столь недовольным, столь озабоченным».

Собственно, Наполеон знал о парижских «проделках» Жозефины и раньше, но Жюно постарался больше всех. С одной стороны, именно он по дороге из Парижа в Италию был свидетелем флирта Жозефины с Ипполитом Шарлем, с другой стороны, уже в Египте он получил письмо из Франции, в котором родственники рассказывали ему о поведении ветреной генеральши. Жюно был другом и первым адъютантом Наполеона, и на этот раз он просто не счел нужным молчать. Более того, он показал это письмо Бонапарту. Тот был потрясен.

А потом он принялся осыпать страшной бранью имя, бывшее еще вчера ему таким дорогим. Он кричал:

– Женщины!.. Жозефина!.. А я так далеко от нее!.. Она, она могла меня обмануть!.. Она!.. Ну, берегитесь! Я уничтожу весь этот выводок молокососов и франтов... А с ней я разведусь! Да, разведусь!.. Устрою публичный, скандальный развод!

После этого он обрушился на Бурьенна:

– Если бы ты был привязан ко мне, то уведомил бы меня обо всем, что я только что узнал от Жюно! А вот он – истинный друг!

Бурьенн начал осторожно успокаивать генерала. Возможно, он сказал ему, что подозрения Жюно слишком преувеличены, а потом, чтобы сменить тему, заговорил о славе главнокомандующего.

Но в ответ Наполеон лишь насупил брови.

– О, моя слава! – воскликнул он. – Не знаю, что бы я отдал сейчас за то, чтобы все, что я услышал от Жюно, оказалось неправдой... Как же я люблю эту женщину...

Чуть позже Наполеон взял себя в руки и ни с кем уже не говорил больше на эту тему. Жюно, впрочем, его откровения дорого обошлись. Простодушный, желавший сделать все как лучше, он не учел того, что рассказать другу о неверности его жены – отнюдь не самый удачный способ укрепления дружеской привязанности. Подобная «доброжелательность» опасна еще и потому, что она наносит удар по гордыне, за-

девает чувство собственной значимости и вызывает обиду и желание нанести ответный удар. Особенно у корсиканца.

Петь дифирамбы подруге друга – это вопрос склонности. Но петь дифирамбы его жене – это уже вопрос необходимости, больше того, личной безопасности. Бедный Жюно и предположить не мог, что в дружбе, как и во многом другом, нужна не откровенность, а дипломатия.

И, кстати, Бурьенн по этому поводу потом написал так:

«Я заметил впоследствии, что он [Наполеон. – *С.Н.*] так никогда и не простил ему этой глупости; и могу сказать почти наверняка, что это стало одной из причин, по которым Жюно не был сделан маршалом, подобно многим из его товарищей, которых Бонапарт любил меньше, чем его».

Глава 4. Царица Востока Полина Фурес

Впрочем, все, что связано с судьбой Жюно, это было потом, и это тема для совсем другой книги. А пока же ярость Наполеона в отношении Жозефины резко сменилась горьким безразличием.

По сути, он на нее страшно обиделся. Если бы Жюно был профессиональным психологом, он бы объяснил Наполеону, что окончание «ся» в этом слове обозначает действие, направленное на самого себя (например: «оделся» – одел себя, «причесался» – причесал себя), то есть обиделся – это значит обидел сам себя. То есть это не Жозефина обидела его, а он сам себя обидел! Сам расценил ее поступок как задевающий его достоинство и решил обидеться. И это не значит, что обижаться нельзя. Можно! Но хуже от этого будет только самому себе, и тут гораздо конструктивнее просто решить, что ты больше не будешь сам себя обижать, потому что пользы от этого – никакой.

Но Жюно, всегда находившийся рядом, не был психологом, и он посоветовал своему начальнику и другу постараться все забыть, как-то развлечься, тем более что в Каире не было недостатка в красивых женщинах. И в конце концов будущий император (не без содействия Жюно) близко сошелся с некоей Маргаритой-Полиной Фурес.

Эта женщина родилась 15 марта 1778 года в Арьеже. Она была дочерью часовщика Анри-Жака Беллиля и Маргариты Барандон. В некоторых источниках утверждается, что она была «незаконной дочерью одной кухарки по имени Беллиль», а отец ее якобы был неизвестен. Это неправда. Но вот фактом является то, что Полина вынуждена была уже с ранних лет зарабатывать средства к существованию. Она поступила в обучение к одной модистке в соседний город Каркассон. Девушкой она была веселой и жила исключительно днем сегодняшним. И вот в доме своей хозяйки она познакомилась с лейтенантом 22-го конно-егерского полка Жаном-Ноэлем Фуресом, который, не задумываясь, женился на ней. А когда французская армия отправилась на завоевание Египта, молодые не захотели расставаться друг с другом, несмотря на строгие порядки, введенные главнокомандующим. В результате Полина переоделась в егерскую униформу и пробралась на один из кораблей.

Так красавица Полина, блондинка с темно-синими глазами, оказалась в Александрии и вскоре стала всеобщей любимицей. В Каире, где находилась главная квартира армии, прекрасная лейтенантша (все называли ее Беллилот) также играла заметную роль, и вскоре она привлекла внимание Наполеона.

Следует отметить, что генерал Бонапарт не любил арабских женщин из-за их мясистости, столь ценимой восточными людьми, и захотел познакомиться с Беллилот. И дело

это было поручено, конечно же, его первому адъютанту полковнику Жюно. А тот организовал все предельно просто, но надежно. Буквально на следующий день Беллилот получила приглашение на обед к генералу Дюпюи, военному коменданту Каира. За столом Жюно «случайно» оказался соседом Полины, а ее мужа, опять же «случайно», не оказалось среди приглашенных. В конце обеда Жюно галантно предложил ей чашечку кофе. А потом его рука почему-то вдруг задрожала, и прежде чем он сумел предупредить несчастье, на белом платье Беллилот уже красовалось большое коричневое пятно от пролитого напитка. Дама пребывала в замешательстве, офицеры суежились, желая помочь в решении проблемы... А Жюно, рассыпаясь в извинениях, предложил Полине пойти в комнату этажом выше.

– Там, мадам, вы найдете кувшин с водой, чтобы замыть пятно, и сможете просушить свое прекрасное платье.

Совершенно очевидно, что ничего не подозревавшая женщина нашла наверху не только обещанный кувшин с водой, но и... генерала Бонапарта.

На «приведение платья в порядок» они потратили ровно два часа, и все это время участники обеда пытались вести непринужденную беседу. И никого, казалось, не удивил тот факт, что самый меткий во французской армии стрелок из пистолета, легко попадавший в карточного туза с расстояния в двадцать шагов, вдруг утратил твердость руки...

На следующий день лейтенант Фурес был отправлен со

«срочной» депешей в Париж, а двадцатилетняя Беллилот на некоторое время стала настоящей Царицей Востока, оторвав Наполеона от великих мыслей и прогнав своими поцелуями его ревность, которая, как известно, кому-то льстит, кого-то унижает, а кого-то просто обязывает изменить.

* * *

Фредерик Массон пишет:

«Как только у Бонапарта раскрываются глаза, как только иллюзия его рассеивается, он начинает подумывать о разводе. Он считает разорванной связь, соединявшую его с женой. Если бы он продолжал ничего не знать, то, несомненно, он остался бы верен ей в Египте <...> но теперь зачем сдерживать себя?»

И 29-летний Наполеон позволил себе совершенно увлечься белокурой Беллилот. Ее свежесть и живость характера пришлись ему как нельзя больше по вкусу.

И тут Наполеон совершил типичную ошибку. Он не сообразил, что только любовь может свернуть горы, а заодно и изменить другого человека. Но это любовь без осуждения и без избыточных претензий. А такую любовь мало кто способен подарить. Всем хочется получить желанный результат побыстрее. И всем кажется, что для этого нужно лишь двинуть любимого посильнее, и он сразу же исправится и станет таким, как нужно. И Наполеон решил двинуть. Он встал на

ошибочный путь осуждения. Более того – мести. И тут ничего не поделаешь, ибо мстительность характерна для корсиканцев.

Но во всей этой истории, несомненно, одно лицо было совершенно лишним, а именно – муж. Его послали с депешами во Францию, и при этом начальник Генерального штаба Бертье сказал ему:

– Мой дорогой Фурес, вы счастливее нас всех. Вы снова увидите Францию. Главнокомандующий облакает вас полным доверием и поручает вам передать Директории тайные депеши. Вы отбываете через час. Прощайте! Я хотел бы быть на вашем месте.

Лейтенант пытался протестовать:

– Но мне нужно предупредить мою жену, чтобы она тоже приготовилась к отъезду...

– Ваша жена! – перебил его Бертье. – Ваша жена! Да вы сошли с ума! Прежде всего, ей будет плохо на борту плохо снабженного продовольствием корабля. Плюс она подвергнется опасностям. И, наконец, это вам не позволено. Друг мой, я понимаю, что вы будете страдать, расставшись со своей женой, но важное задание, порученное вам, превышает все-го...

Фурес был очень горд собой, но в море он попал в плен к англичанам.

А тем временем его жена сделалась настоящей султаншей. Часто ее можно было видеть гарцующей в генеральской фор-

ме и в треуголке на прекрасном арабском скакуне. Она держала себя совершенно открыто, как настоящая фаворитка. Да, по сути, она ею и была. Она роскошно одевалась, угощала у себя обедами генералов, с придворными почестями принимала находившихся при армии французов...

«Вот наша генеральша», – говорили про нее солдаты, а особые остряки называли ее Клеопатрой.

И вот на всю эту беззаботную любовную идиллию вдруг свалился, как снег на голову... лейтенант Жан-Ноэль Фурес. А дело в том, что англичане, прекрасно осведомленные о том, что происходило во французской армии, отпустили пленного Фуреса, взяв с него слово, что он не будет брать в руки оружия, пока длится война. В результате лейтенант, которого генерал Мармон тщетно пытался удержать в Александрии, приехал в Каир. Он все узнал, был совершенно взбешен и решил заставить свою супругу жестоко поплатиться за все вольности, которые она себе позволила. Между супругами произошла сцена объяснения, и Полина тут же потребовала развода, который и был объявлен в присутствии военного комиссара армии.

Кстати, когда впоследствии во Франции Жан-Ноэль Фурес захотел вторично вступить в брак, он встретил затруднения: ему заявили, что его развод в Египте был совершен не по форме и поэтому не может считаться действительным. А вот его жене, когда она вторично выходила замуж, не было выставлено никаких препятствий.

Этот не лишенный пикантности роман Наполеона длился несколько месяцев. Находясь в отъезде, генерал Бонапарт писал Полине самые нежные письма. А потом обстоятельства оторвали влюбленного от его Беллилот. Наполеон бросил остатки своей армии и отправился на судне «Мюиرون» во Францию. Полину он с собой не взял, а командование египетской армией передал генералу Клеберу. И, как утверждают некоторые историки, этот последний распространил свои полномочия и на фаворитку главнокомандующего. Гертруда Кирхейзен об этом пишет так:

«Хотя по этому поводу не известно ничего с точностью, однако установлен тот факт, что он долгое время не хотел выдать пропускного свидетельства Полине, которую он, по желанию Бонапарта, должен был отправить во Францию, когда на море установится более или менее тихая погода. Для ее обратного путешествия Наполеон оставил 1000 луидоров».

В конечном итоге генерал Клебер все же отправил Полину к генералу Мену, коменданту Розетты, с рекомендательным письмом следующего содержания:

«Это письмо передаст вам, дорогой генерал, гражданка Фурес. Она желает переехать во Францию, соединиться с героем-любовником, которого она потеряла из

виду. Рассчитывая на вашу любезность, она надеется, что вы дадите ей возможность совершить это путешествие как можно скорее и в подходящей компании. Обо всем этом она сумеет попросить вас лучше, чем я».

Генерал Мену ответил ему так:

«Дорогой генерал, красотка приехала, но я ее не видел. Я окажу ей, и не видя ее, все услуги, которые будут в моей власти, лишь бы только не вышло каких-нибудь осложнений с ее мужем. Я давно уже знаю и на собственном опыте убедился, что ни к чему хорошему не приводит, когда вмешиваешься в подобные дела. Будьте уверены, что об этом деле заговорят во Франции. Человек, о котором идет речь, имеет много врагов, и в Законодательном корпусе найдется кто-нибудь, чтобы произвести об этом любовном походе, по крайней мере, двухчасовую речь. Вы, конечно, представляете себе, что могут сказать об этом! Нам, маленьким людям, здорово достанется, если мы как-нибудь впутаемся в эту драку».

Как бы то ни было, мадам Фурес все же удалось сесть вместе с Жюно и несколькими учеными, участниками экспедиции, на нейтральный корабль «Америка» (весь французский флот в то время уже был уничтожен англичанами). Однако,

несмотря на нейтральный флаг, «Америка» была захвачена адмиралом Нельсоном, и Полина попала в плен. Затем она была освобождена и, наконец, доставлена во Францию.

* * *

А тем временем генерал Клебер пал в Египте от руки наемного убийцы, а в Париже готовились очень важные события. Это было как раз накануне 18 брюмера, когда генералу Бонапарту суждено было сделаться первым человеком во Франции. И понятно, что ему некогда было теперь заниматься любовными делами.

В результате, вернувшись, вместо любовника, изнывающего в нетерпеливом ожидании, Полина нашла в Париже лишь дом, устроенный для нее со всей роскошью, и много-много денег.

Наполеон позаботился и о муже для нее. Это был Пьер-Анри де Раншу, отставной пехотный офицер с бурным прошлым. Они с Полиной поженились в Бельвилле в 1800 году, а на следующий год Наполеон, ставший уже Первым консулом, назначил Раншу вице-консулом в Сантандере, а позднее, в 1810 году, – консулом в Швеции. С чисто царской щедростью он оказывал супружеской чете и денежную поддержку. Например, в 1811 году Полина получила 60 000 франков.

Что же касается Швеции, то она не поехала туда вместе с мужем, а предпочла остаться в Париже. Она все надеялась на

восстановление отношений с Наполеоном, но тот, несмотря на все просьбы с ее стороны, всегда уклонялся даже от простой встречи с ней. Она посещала все балы, все театральные представления, где надеялась поймать хотя бы его взгляд. Но все тщетно. Впрочем, один раз, когда он уже был императором, ей все же удалось поговорить с ним на маскараде у министра иностранных дел Шампаньи. Она узнала его под маской, и они обменялись парой слов. «Мне невозможно изобразить то состояние блаженного упоения, в котором находилась мадам де Раншу на другой день после этой встречи», – написал потом в своих «Мемуарах» один из свидетелей этой встречи.

Но Полина, став графиней де Раншу (во всяком случае, она так титуловала сама себя), не слишком горевала о потере возлюбленного. Она вела блестящую светскую жизнь. Гертруда Кирхейзен отмечает:

«Молодая, хорошенькая, жизнерадостная, необыкновенно падкая до всякого рода наслаждений, расточительная и не знающая цены деньгам, она удовлетворяла каждую свою прихоть, не отказывала себе ни в одном удовольствии. Знатные русские вивёры² граф Нарышкин, граф Чернышёв и колоссально богатый Демидов были постоянными посетителями ее салона. Генерал Полен, адъютант Бертрана, и брат государственного казначея Пейрюсса делились также между

---

² Вивёр (*франц.* *viveur*, от *vivre* – «жить») – человек, ведущий веселую жизнь, весельчак, кутила, прожигатель жизни.

собой любовью Беллилот. После них ее любовниками были итальянский барон Реверони Сен-Сир, корсиканец Лепиди...»

Была она и большой любительницей искусств, покупала ценные картины и рисовала сама, причем весьма недурно. Она пела, играла на лютне и на арфе – словом, обладала самыми разнообразными талантами. Она также писала романы. Один, под названием «Лорд Уэнтворт» (Lord Wentworth), даже был опубликован в 1813 году...

* * *

Принято считать, что Полина хорошо жила в 1814 и 1815 годах, но к 1816 году началась нужда, а потом – почти нищета. И тогда она уехала в Бразилию с неким Жаном-Батистом Белларом, отставным гвардейским капитаном.

Утверждается также, что этот Беллар, называвший себя полковником, был ее любовником уже пятнадцать лет и что Полина имела дочь примерно двадцати лет, которую выдавала за мадемуазель де Лоншан. Как говорится, не факт. Скорее всего, целью ее путешествия было одно – поправить свои дела. Она набрала с собой множество всевозможных дешевых товаров, поменяла их в Бразилии на палисандр и возвратилась обратно с запасом ценного дерева. Потом она продала его, купила мебель, возвратилась в Бразилию, чтобы продать ее, и так ездила взад и вперед до 1837 года, когда окон-

чательно обосновалась в Париже. Потом она написала и издала еще один роман.

Скорее всего, в эти годы ей было не до Наполеона. Впрочем, герцогиня д'Абрантес (ее муж Жюно покончил с собой в 1813 году, и она тоже зарабатывала себе на жизнь писательским трудом), пытаясь придать этому роману более сентиментальный конец, утверждала, что Беллилот никогда не могла забыть императора. А когда он находился на острове Святой Елены, она якобы даже пыталась организовать экспедицию для его освобождения.

Лора д'Абрантес пишет:

«Она реализовала часть своего состояния и объехала множество портов в поисках okazji для поездки на остров Святой Елены, чтобы попытаться освободить того, кто всегда оставался ей дорог <...> Она потратила много времени на подготовку своего замысла, а когда все было готово, она узнала о смерти Наполеона».

Все это полная ерунда, и Полина сама энергично возражала против этой версии, хотя не исключено, что делала она это из страха получить неприятности с полицией, которая зорко следила за ней как за прежней приятельницей свергнутого Бонапарта.

* * *

Мадам де Раншу пережила Наполеона почти на полвека:

она умерла 18 марта 1869 года. А перед смертью она сожгла все письма, которые писал ей генерал. Наверное, она хотела уничтожить все, что касалось этой недолгой любви, которая одна только и придает ей ныне определенный интерес в глазах Истории.

Глава 5. Прощение Жозефины

Как уже говорилось, Наполеона не было во Франции семнадцать месяцев. Такого срока вполне достаточно, чтобы успокоиться и оставить даже мысли о разводе. Когда 16 октября 1799 года генерал вернулся из Египта в Париж, то сразу же помчался на улицу Победы, чтобы увидеть свою Жозефину. Он не сомневался, что его ждут и дом сияет праздничными огнями.

Наполеон выскочил из кареты, вбежал в дом и оцепенел в изумлении: вестибюль не был освещен. Он в возмущении начал открывать одну дверь за другой: комнаты были пусты и холодны. Совершенно взбешенный, он поднялся по лестнице и увидел растерянного слугу:

– Где моя жена?

– Она уехала встречать вас...

– Ложь! Она у любовника! Упакуй ее вещи и выставь их на лестницу – пусть забирает...

В тот вечер Наполеон в очередной раз «твердо решил» развестись.

Дорожная карета Жозефины доставила ее в Париж только на следующий вечер. Смущенная консьержка остановила Жозефину у дверей.

– Генерал запретил вас пускать, – пробормотала она.

Жозефина плакала и колотила ногами в дверь. Потом,

прижавшись к дверной щели, она молила, просила прощения, напоминала мужу об их любви, об упоительных ночах сладострастия, о нежных ласках, беспрерывно тихо стонала, уверенная, что ее муж не может не прислушиваться к звукам у входной двери.

Через час добрая служанка, которая тоже рыдала на лестнице, с другой стороны двери, решила позвать Эжена и Гортензию, чтобы они попробовали смягчить Наполеона, и они, заливаясь слезами, принялись умолять:

– Не покидайте нашу мать! Она не переживет этого, и мы, кого эшафот в детстве лишил отца, сразу лишимся и матери, и второго отца, посланного нам Провидением!

Послушаем теперь рассказ самого Наполеона:

«Я не мог спокойно глядеть на плачущих; слезы двух злополучных детей взволновали меня, и я сказал себе: разве они должны страдать за провинности их матери? Что я мог поделать с собой? Каждый мужчина имеет какую-нибудь слабость».

После этого он открыл дверь. Бледный, с горящими глазами, он раскрыл объятия Жозефине и увлек ее в спальню...

И Жозефина была прощена. В очередной раз прощена. Но, как говорится, осадочек остался...

Глава 6. Джузеппина Грассини

Как известно, в мае 1805 года Наполеон был коронован в Милане, а потом, уже находясь в ссылке на острове Святой Елены, он написал, что именно в это время он обратил внимание на знаменитую итальянскую певицу Джузеппину Грассини. Затем в своих воспоминаниях он даже привел следующие слова, которые ему якобы сказала Джузеппина: «Когда я была в расцвете моей красоты и моего таланта и вся Италия лежала у моих ног, когда я героически отклоняла все домогательства ради одного-единственного взгляда ваших глаз, я не могла добиться этого взгляда. А теперь вы останавливаете свой взгляд на мне, когда я не стою вашего внимания, когда я уже недостойна вас».

Наполеону так хотелось, чтобы все и на самом деле обстояло именно так. Но, к сожалению, все это – выдумка. Или заблуждение императора, кому как больше нравится. На самом деле их отношения начались не в 1805 году, а гораздо раньше – в 1800 году, еще до сражения при Маренго.

А в первый раз он увидел ее еще раньше – в 1797 году. Тогда генерал Бонапарт, победитель в сражении при Лоди, торжественно вступил в Милан. Как римский триумфатор, он прошел победным маршем через Ломбардию, смотревшую на него как на избавителя от австрийского ига.

Миланцы спешили посмотреть на молодого человека, ко-

торый в течение двух месяцев сумел стать в один ряд с величайшими полководцами истории. А он остановился в замке Момбелло, что недалеко от Милана, обосновавшись там в обществе своей жены Жозефины и всего своего штаба, и любимым его занятием стало посещение миланского театра «La Scala», в котором он внимал божественному пению дивной Грассини.

Камердинер Наполеона Констан тогда написал в своем дневнике:

«Мадам Грассини была женщиной наивысшего таланта, и она обладала самым удивительным голосом, который когда-либо можно было услышать в театре. Она и мадам Барилли делили между собой пристрастия публики».

Джузеппина Грассини, помимо очаровательного личика, имела еще и роскошнейшие, даже по итальянским меркам, формы, и перед ее красотой и талантом преклонялась вся Италия. По сути, наряду с генералом Бонапартом она была самой популярной личностью в Милане. Но Наполеон тогда не видел и не замечал никого, кроме своей очаровательной Жозефины. В Джузеппине же он видел лишь театральную красоту и слышал только ее великолепный голос. Но она-то хотела быть не артисткой, а женщиной.

Гертруда Кирхейзен констатирует:

«Ей было двадцать четыре года, она была высока и стройна, с черными волосами и огневыми глазами, настоящий тип красавицы итальянки. Густые черные брови резко выделя-

лись на ее смуглом, матовом лице. Ее взгляд горел любовью и страстью, ее движения были одновременно изящны и величественны. И всего этого не замечал генерал Бонапарт! Он видел только Жозефину с ее пленительной, неподражаемой грацией креолки».

А вот к 1800 году любовь Наполеона к Жозефине, как мы уже знаем, получила значительную трещину, и мадам Фурес в Египте уже дала ему вкусить от дерева познания добра и зла.

Фредерик Массон отмечает:

«С мадам Фурес он наслаждался цветом юности, ни с чем не сравнимой свежестью восемнадцати лет, и сравнение это постоянно было у него на уме. Ему понравилось разнообразие, и он уже не хотел и не мог быть верным мужем».

В 1800 году Наполеон во второй раз вступил в Милан, увенчанный лаврами, и только тогда впервые он заметил красоту певицы. Но в то время Джузеппина Грассини была уже далеко не той, что раньше. Она приближалась к критическому для всех южанок тридцатилетнему возрасту.

Послушаем Фредерика Массона:

«Она уже несколько толста и тяжеловата; крупное лицо с резко выраженными чертами, с черными как уголь бровями, с густыми черными волосами, еще более пополнело. Красота, несомненно, еще осталась, но та, которая встречается в Италии на каждом шагу».

Ее полное имя было Джузеппина-Мария-Камилла Грассини, и родилась она 18 апреля 1773 года в Варезе.

Происходила она из средней ломбардской семьи (ее мать играла на скрипке) и сама дебютировала на сцене в шестнадцать лет. А в семнадцать уже пела в миланском театре «La Scala».

В 1800 году она выступила в «La Scala» перед генералом Бонапартом, победителем при Маренго, и так исполнила «Марсельезу», что все французы, находившиеся в зале, едва не сошли с ума.

По сути, к 1800 году Наполеон Бонапарт был настолько знаменит, что любая актриса, стоило ему приказать, тотчас же бросилась бы в его объятия. Вот и Джузеппина Грассини только и ждала момента, чтобы продемонстрировать новому герою всю силу своего южного темперамента. К тому же она была певица, а Наполеон пришел в такое восхищение от ее пения, что на это раз не удержался и позвал ее к себе. Джузеппина не заставила себя долго упрашивать...

Так она стала его любовницей! Наконец-то он отдал ей должное и как женщине тоже.

На следующее утро она завтракала в комнате Первого консула вместе с ним и с преданным генералом Бертье. И Наполеон объявил, что решил взять с собой возлюбленную

в Париж. Но, чтобы не дать Жозефине повод для ревнивых подозрений, Луи-Антуан Бурьенн поместил в официальный бюллетень информацию о том, что генерал Бонапарт приглашает в Париж целую группу знаменитых певцов и певиц из Италии.

Так Джузеппина оказалась во французской столице, и там по случаю праздника 14 июля она пела с тенором Бьянки дуэт на итальянском языке. И никому и в голову не приходило, что певица, которая пела гимн на освобождение Италии, была любовницей Первого консула.

Потом она пела на вечерах в Мальмезоне, которые устраивались каждые десять дней, а также на празднестве, устроенном генералом Бертье в Военном министерстве в 1801 году, в день годовщины победы под Маренго. И все это время она была любовницей Наполеона, но следует признать, что она совершенно иначе представляла себе роль возлюбленной главы государства. Она мечтала о могуществе, как это было, например, у маркизы де Помпадур. Она видела себя в толпе льстецов, стремящихся извлечь выгоду из ее влияния на Наполеона, всячески заискивающих перед ней, чтобы она благоволила передать их просьбы и прошения своему высокопоставленному возлюбленному. Но ничего этого не было. На самом деле ей приходилось втихомолку наслаждаться своим счастьем в маленьком домике, снятом для нее Наполеоном. И хотя ее возлюбленный и осыпал ее всевозможными щедротами (он, например, назначил ей ренту в 15 000 франков ежемесячно), однако как-то афишировать их связь ей было категорически запрещено.

Все это было не по вкусу знавшей себе цену итальянке. Минутные тайные посещения Первого консула и его все-

гда торопливая любовь не удовлетворяли ее горячего сердца. Понятно, что ему некогда было тратить много времени на какие-то там любовные прелюдии...

В результате Джузеппина вскоре утешилась с другим. Это был знаменитый молодой скрипач и композитор Пьер Род. Он был очень талантлив и умел гораздо лучше Первого консула «играть на струнах нежной страсти». И в один прекрасный день она сбежала вместе с ним в Германию. Потом – в Англию и Голландию, и повсюду на них сыпались артистические лавры.

Наполеон, конечно же, сразу узнал об этом и сначала резко порвал с ней. Пьер Род тогда натерпелся страху, однако ни он, ни она нисколько не пострадали. Более того, когда Джузеппина со своим возлюбленным снова вернулась во Францию, она была встречена с распростертыми объятиями.

В 1806 году она стала первой певицей Его Императорского Величества. Ей была положена годовая ставка в 36 000 франков, плюс 15 000 франков годовой премии, плюс 15 000 франков пенсии по выходе в отставку. И это все, не считая богатых подарков, которыми Наполеон осыпал Джузеппину. Пьер Род также не был забыт: он давал в Париже концерты, на которых император за свою ложу платил по 1200 франков. По данным Фредерика Массона, с 1807 по 1814 год «Грасини получала от одного только императора 70 000 франков в год – больше, чем она получала с публики». А в 1809 году она вместе с другими артистами сопровождала Наполеона в

Германии и получила за эту поездку 10 000 франков вознаграждения...

В обществе, как и на сцене, Джузеппина Грассини имела огромный успех. Все салоны были для нее открыты, хотя манеры ее все еще оставались довольно вульгарными.

Писательница и мемуаристка Маргарита-Луиза Ансело оставила нам такой портрет Джузеппины Грассини:

«Всюду принятая, всюду встречаемая с полным радушием, обладая живой, искренней и оригинальной натурой, мадемуазель Грассини говорила на чем-то вроде жаргона из смеси итальянского и французского языков, свойственного только ей одной, который позволял ей говорить все, что угодно, делать самые смешные замечания и рискованные признания; и если кто-нибудь находил нечто шокирующее и неприличное в ее разговоре, она относила свои тактические ошибки к незнанию языка».

Таким вот образом певица восхищала парижан вплоть до первого отречения Наполеона. Затем она уехала в артистическое турне и снова вернулась во Францию только уже после окончательного падения императора. Вернулась для того, чтобы стать любовницей лорда Веллингтона, победителя в сражении при Ватерлоо. Так одно из самых прекрасных завоеваний Наполеона перешло в руки одного из главных врагов Франции. Только великий Веллингтон далеко не был так щедр, как в свое время Наполеон. Он, конечно, оплачивал ее счета, но делал это «со скрипом». Это и понятно, ведь у

него не было под рукой бездонной императорской казны.

Всезнающий Луи-Антуан Бурьенн в связи с этим не без иронии пишет:

«Говорят, что в 1814 году герцог Веллингтон искал милостей у мадам Грассини. Наверняка это он делал для того, чтобы иметь хоть какое-то сходство с генералом Бонапартом».

* * *

Относительно оценки Грассини как артистки мнения расходятся. Одни считают ее лучшей певицей своего времени. Например, Фредерик Массон пишет о ней так:

«Ничто не может сравниться с чистотой и выразительностью ее голоса, и ее талант – в полном расцвете. Она не принадлежит к числу хороших знатоков музыки, мало думала о принципах искусства, но она – само искусство. Ее голос, контральто, способный волновать, как ничей другой, одинаково сильный и чистый на всех нотах, сам по себе – гармония».

А вот мнение, выраженное в «Универсальной биографии» Франсуа-Жозефа Фетиса:

«Ее голоса, мощного контральто с выразительным акцентом, хватало на самые высокие звуки, и ее вокал имел легкость, что является весьма редким качеством для звонких голосов».

Наконец, Луи-Мари Кишера в своей книге об оперном певце Адольфе Нурри высказывается об уже пожилой Джу-

зеппине Грассини так:

«Голос у нее был уверенный, идеально точный, с прекрасным тембром, с удивительной гибкостью, мягкостью и силой <...> Она закончила пение смелой и весьма виртуозной трелью, в которой прозвучали все ноты хроматической гаммы».

Другие же видят в ней только красивую, но модную посредственность. В частности, музыкальный критик Поль Скудо отмечает:

«Ее слишком быстрое продвижение, связанное с ее шармом и красотой <...> очень скоро принесло ей признание среди модных дилетантов».

Но тем не менее все сходятся в оценках необычайной подвижности ее голоса, который она могла из контральто превратить в чистое и мягкое сопрано.

* * *

Джузеппина Грассини сошла со сцены в 1815 году, то есть в сорок два года. Она была достаточно умна, чтобы закончить свою блестящую карьеру добровольно, не дожидаясь проблем с голосом. Она проживала частично в Париже, частично в Милане, до конца дней сохранив остатки той красоты, которая очаровала когда-то Наполеона.

О своих отношениях с Наполеоном и герцогом Веллингтоном она говорила без всякого стеснения. Она вообще никогда не испытывала чувства неловкости, выбирая себе лю-

бовников, среди которых можно отметить маркиза Лондондерри и графа Маунт-Эджкамба.

Однажды в 1838 году в одном парижском обществе, где присутствовала Джузеппина Грассини, речь зашла о Наполеоне и Людовике XVIII. И был поднят шутливый вопрос о том, что сказали бы друг другу оба монарха, если бы они встретились на Елисейских Полях. Каждый делал свое предположение. Вдруг Грассини заявила с ребяческой наивностью:

– Я уверена, что Наполеон сказал бы Людовику XVIII: почему ты не продолжал платить пенсии моей милой Грассини?

Удивительно, но, несмотря на свою расточительность, она не впала в нужду. Ее артистической натуре не чужда была буржуазная бережливость, и она сумела накопить значительное состояние. Джузеппина умерла в Милане 3 января 1850 года, оставив своим наследникам более полумиллиона лир.

Глава 7. Мадемуазель Жорж

В начале XIX века на сцене «Comédie Française» взошла звезда первой величины, и она возбудила внимание Наполеона, который питал особое пристрастие к трагедии и посещал ее чаще, чем оперу или комедию.

Ее звали Маргарита-Жозефина Веймер, и родилась она 24 февраля 1787 года в Байё. Росла она в бедности и нужде, так как была дочерью мелкого антрепренера Жоржа Веймера, который со своей бродячей труппой влачил весьма скудное существование, представляя собой одновременно директора театра, дирижера оркестра и режиссера-постановщика.

Мать будущей любовницы Наполеона, Мари Вертёй, тоже была актрисой. В молодости она считалась звездой труппы Веймера, а теперь потеряла голос, и надо было думать о ее замене. И Жорж Веймер сразу подумал о своей дочери, обещавшей вырасти большой красавицей. Таким вот образом уже в пять лет Маргарита-Жозефина начала появляться на подмостках и приносить отцу деньги.

А вот ее первый настоящий дебют состоялся, когда ей было уже двенадцать, в Амьене, где Веймер устроился со своим театром. Она выступила в пьесе «Поль и Виржини» в главной роли и имела феноменальный успех. Потом было еще много удачных выступлений, а вслед за этим знаменитая трагическая актриса Софи Рокур из «Comédie Française» вы-

брала ее себе в качестве ученицы и забрала в Париж. Дело было в 1801 году.

Лучшей преподавательницы по сценическому искусству четырнадцатилетняя девушка не могла бы себе найти, но Софи Рокур отнюдь не была для нее примером нравственности. Она вела очень вольный образ жизни, и даже ходили слухи, что прославленная актриса имела больше склонности к своему полу, чем к мужскому.

Как бы то ни было, Маргарита-Жозефина Веймер, называвшаяся теперь своим сценическим псевдонимом Жорж (по имени своего отца), 29 ноября 1802 года выступила в дебютном спектакле в лучшем театре Франции. Она сыграла роль Клитемнестры в трагедии Расина «Ифигения». И опять был успех, но это уже был успех совсем другого уровня.

В рецензии в «*Mercure de France*» тогда написали:

«Ее красота, ее высокая благородная фигура, дивной посадки голова и прекрасное, правильное и вместе с тем приятное лицо – все это одержало над парижанами бурную победу».

Позднее критика стала менее снисходительна к ней, и ее поклонники и поклонники другой звезды, Катрин-Жозефины Дюшенуа, разделились на два враждующих лагеря. Однако факт остается фактом – 4 августа 1803 года новоявленная «мадемуазель Жорж» получила постоянный ангажемент в «*Comédie Française*» с жалованьем в 4000 франков в год.

* * *

А буквально через несколько дней после своего первого выступления она отпраздновала свой другой дебют, во дворце Сен-Клу, в тайных покоях Первого консула Наполеона Бонапарта.

Гертруда Кирхейзен по этому поводу пишет:
«Несмотря на юный возраст Жозефины-Маргариты, у На-

полеона был не один только предшественник в лице его брата Люсьена, а еще и богатый польский князь Сапега. Ей хочется уверить нас, что она упала вполне целомудренной в объятия Цезаря. Однако она пришла в Сен-Клу одетая, как королевская любовница. Ее гардероб не уступал по богатству и элегантности гардеробу любой шикарной парижанки. Рубашки из тончайшего батиста с дорогими вышивками и настоящими валансьенскими кружевами, юбки из индийского тюля, легкие и благоухающие, как весенний зефир, ночные сорочки из мягкого шелка или из такой тонкой и прозрачной материи, что их можно было продеть сквозь кольцо, английские кружевные шали, стоившие тысячи франков, красные и белые индийские кашемиры, великолепные меха, драгоценнейшие туалеты – все эти предметы роскоши были достойны действительно царственной красоты юной Жорж. И все это оплачивал «бескорыстный» князь Сапега. Он предоставил ей и ее матери, которая позднее тоже приехала в Париж, обставленную со всей роскошью квартиру на улице Сент-Оноре, держал для нее лошадей и экипажи, и за все эти благодеяния он выговорил себе лишь право... иметь второй ключ от этой квартиры. Так, по крайней мере, наивно рассказывает защитник ее добродетели Александр Дюма, а также и сама мадемуазель Жорж».

Короче говоря, мадемуазель Жорж впервые приехала в Сен-Клу в сопровождении камердинера Констана в декабре 1802 года, и Наполеон тогда якобы разыграл сцену ревности,

разорвав покрывало, подарок тридцатилетнего князя Франтишека Сапеги, на мелкие куски.

Она рассказала ему историю своей жизни, и он терпеливо выслушал ее рассказ. Называть ее Жозефиной, по понятным соображениям, он не мог, а имя Маргарита ему не нравилось, и тогда Наполеон попросил у нее позволения называть ее Жоржиной. Она, разумеется, согласилась. Равно как и пообещала никогда больше не надевать, приходя к нему, вещей, полученных от других поклонников...

Жоржина была совершенно во вкусе Наполеона. Правда, в первый ее приход он вдруг заявил:

— Ты осталась в чулках, но у тебя безобразные ноги.

Говорят, что не было человека, более чувствительного к красоте ног и рук, чем Наполеон. Его Жоржина была прекрасна, но вот ноги (особенно пальцы ног) она действительно изуродовала башмаками, подметая каждое утро перед домом своего отца. Зато она обладала живым умом и кротким характером, выказывала Наполеону полнейшую преданность, шла навстречу всем его желаниям, никогда не скучала сама и не докучала Первому консулу.

Камердинер Констан потом рассказывал, что он не слышал, как Наполеон смеялся от души в то время, как Жоржина бывала у него. Он смеялся над пикантными анекдотами и театральными сплетнями, которые она передавала ему порой в самых откровенных подробностях.

Фредерик Массон пишет о Наполеоне и его Жоржине:

«Он был большим поклонником ее красоты, но ему очень нравился и ее бойкий живой ум. Она рассказывала ему закулисную хронику и все то, что происходило в фойе Французского Театра, где тогда можно было услышать немало интересного».

Она умела играть на самой слабой его струне – на любопытстве – и, может быть, этим самым привязала его к себе на более длительный срок, чем сделала бы это при помощи одной лишь красоты. В обществе Жоржины Наполеон всегда был весел, как ребенок.

Александр Дюма отзывался о ней так, сравнивая ее с другой известной актрисой «Comédie Française»:

«Жорж – хорошая тетка, она хоть и напускает на себя величественность и держится, как императрица, но позволяет любые шутки и смеется от всего сердца, тогда как мадемуазель Марс лишь принужденно улыбается...»

Одним словом, Наполеон чувствовал себя великолепно в ее обществе и спускался со своего пьедестала, чтобы какое-то время побыть просто человеком. В одном из писем к своей приятельнице Марселине Деборд-Вальмор актриса потом так рассказала о своем последнем свидании с Наполеоном перед его отъездом в Булонский лагерь:

«За мной приехали около восьми часов вечера. Я прибыла в Сен-Клу, и на этот раз меня провели в комнату, смежную со спальней. Я видела эту комнату впервые. Это была библиотека. Консул не заставил себя долго ждать.

– Я позвал тебя раньше обыкновенного, милая Жоржина, – сказал он. – Я хотел еще раз видеть тебя перед отъездом.

– Боже мой, вы уезжаете?

– Да, завтра, в пять часов утра, в Булонь. До сих пор никто еще не знает об этом.

Мы сели оба на лежавший на полу ковер.

– Ну, и что же, тебе не грустно от этого? – спросил он.

– Конечно, мне очень грустно.

– Нет, неправда. Тебе нисколько не жалко, что я уезжаю. – С этими словами он положил мне свою руку на грудь и прибавил полусердито-полушутя: – Это сердечко ничего не чувствует ко мне.

Это было для меня очень мучительно, и я дорого дала бы, если бы могла пролить хоть несколько слез. Но я не могла заплакать.

Мы сидели близко около топившегося камина. Я пристально смотрела на огонь и на раскаленную каминную решетку. Так просидела я несколько минут неподвижно, точно мумия. Стало ли больно моим глазам от огня, или я расчувствовалась, если это вам лучше нравится, но только две крупные слезы скатились мне на грудь. С неопишуемой нежностью Первый консул выпил поцелуями эти слезы с моей груди. Ах, я лучше не умею выражаться, но это было именно так! И я была до такой степени действительно растрогана этим доказательством любви, что пролила искренние слезы и даже всхлипнула.

Что мне сказать вам? Он прямо опьянел от счастья и радости. Если бы в эту минуту я попросила у него Тюильри, то он не отказал бы мне в моей просьбе. Он смеялся, он играл со мной и бегал по комнате, а я должна была его ловить. Чтобы я не смогла поймать его, он забрался на лестницу, которая служила для того, чтобы доставать книги с верхних полок. Так как эта лестница была на колесиках, то я стала возить его по всей комнате. И он смеялся и кричал: «Ты ушибешься! Перестань, или я рассержусь!»

После этого Наполеон передал своей Жоржине пакет с 40 000 франков. Он не хотел, чтобы она оставалась без денег во время его отсутствия...

Сама она утверждает, что он звал ее к себе два раза в неделю и что они часто оставались вместе до рассвета. Но всезнающий камердинер Констан отрицает это и утверждает, что мадемуазель Жорж никогда не оставалась у Наполеона больше, чем два-три часа. Фредерик Массон считает, что Наполеон «вызывал ее к себе довольно часто», Стендаль же вообще насчитал не больше шестнадцати подобных визитов.

Впрочем, точно известно, что посещения Жоржины продолжились и после возвращения Наполеона в Париж. В Тюильри он принимал ее в том помещении, которое раньше занимал его секретарь Бурьенн.

По словам Фредерика Массона, «после переезда в Париж он продолжал видеться с ней у себя в антресолях, но никогда не бывал у нее; ему ни разу не пришлось поэтому встретиться-

ся с Костер де Сен-Виктором или с другими ее любовниками. Это длилось два года, по свидетельству Жорж, которая утверждает, что все это время она была ему верна: этого от нее и не требовали».

* * *

Понятно, что Жозефина очень скоро узнала об этом романе своего мужа. Естественно, она начала устраивать Наполеону сцены.

– Она волнуется больше, чем следует, – говорил на это Наполеон. – Она постоянно боится, чтобы я не влюбился серьезно. Она не знает, очевидно, что любовь создана не для меня. Что такое любовь? Страсть, которая заставляет забывать всю Вселенную, чтобы видеть только любимый предмет. Я же, несомненно, не создан для таких крайностей. Какое же значение могут иметь для нее развлечения, не имеющие ничего общего с чувством любви?

Тем не менее он стал аккуратнее, однако Жозефина все равно ревновала, несмотря на все предосторожности.

Однажды она находилась в Тюильри с мадам Клер де Ремюза. Было уже примерно час ночи, и во дворце все давно спали. Однако Жозефина вдруг вскочила на ноги и сказала:

– Я не могу больше выносить этого. Я уверена, что Жорж здесь, наверху. Но я помешаю им. Пойдемте со мной!

И обе женщины начали подниматься наверх по потайной

лестнице, ведущей к покоям Первого консула. Жозефина шла впереди, а мадам де Ремюза – чуть сзади и несла в руках зажженную свечу. Вдруг послышался шум. Мадам де Ремюза так испугалась, что бросилась бежать, оставив Жозефину одну на темной лестнице...

Короче, в тот раз Жозефине так и не удалось «накрыть» любовников. Зато в другой раз ей в этом помог случай. Наполеон был очень занят напряженной работой, а ночь он проводил с Жоржиной. Среди ночи ему вдруг сделалось дурно (видимо, это был эпилептический припадок), и девушка, впервые оказавшаяся в подобной ситуации, растерялась. Не зная, что ей делать, она начала звать на помощь, и на ее крик сбегался весь дворец. Естественно, Жозефина тоже была разбужена этим шумом...

Когда же Наполеон пришел в себя, он был немало удивлен, увидев рядом Жозефину и полураздетую перепуганную Жоржину. Он тогда страшно рассердился на последнюю, и актриса была поспешно удалена восвояси.

Сам же Наполеон, как уже говорилось, никогда не посещал Жоржину на дому. По-видимому, он и в самом деле не хотел подвергать себя опасности встречи с другими ее любовниками. Но главное – он заботился о том, чтобы его любовные похождения не провоцировали лишних разговоров. Поэтому-то его внимание к актрисе не имело официальных доказательств. В частности, она не пользовалась ни большими привилегиями в театре, не получала особых вознаграж-

дений, когда играла при дворе в Сен-Клу. Известно, например, что однажды она осмелилась попросить у Наполеона его портрет, но он в ответ протянул ей наполеондор³ и сказал:

– Вот возьми. Говорят, я тут очень на себя похож.

И все-таки Жоржина была не внакладе. Наполеон не был скуп. Но подарки, которые он делал ей, носили исключительно частный характер. «Никогда, – рассказывала она сама, – император не передавал мне деньги через посторонние руки. Он всегда давал мне их лично». Только единственный раз, 16 августа 1807 года, ее имя было официально упомянуто в связи с подарком в 10 000 франков. Но за три года до этого она уже прекратила свои визиты в Тюильри...

В самом деле, когда Наполеон стал императором французов, его увлечение Жоржиной утратило свой яркий колорит. Он уже был совсем другим, когда встречался с ней. По словам Гертруды Кирхейзен, «его непринужденность уступила место сдержанной церемонности. Он был император и невольно давал почувствовать возлюбленной свое величие».

И она все прекрасно поняла. Рассказывают, что, когда Александр Дюма спросил ее однажды, почему Наполеон покинул ее, она ответила ему так:

– Он ушел от меня, чтобы стать императором!

---

³ Наполеондор (Napoléon d'or – «золотой Наполеон») – золотая монета 900-й пробы в 20 франков, общий вес – 6,4516 г при содержании чистого золота в 5,801 г. Выпускалась во Франции с 1803 по 1914 г. На одной ее стороне был выбит профиль Наполеона.

Забегаая вперед, отметим, что 11 мая 1808 года мадемуазель Жорж тайно покинула Париж в обществе Луи-Антуана Дюпора, танцора из «Оперá», который, боясь быть арестованным у заставы, переоделся женщиной. Этим она явно нарушила имевшийся у нее контракт, а посему подвергла себя крупной неустойке и лишилась всех прав в качестве члена «Comédie Française». По сути, она исчезла, оставив в Париже только воспоминания о своей любви к Наполеону да свои долги. Впрочем, существует версия, согласно которой она поехала в Россию по заданию Талейрана с тайной миссией покорить русского царя Александра I.

На наш взгляд, более вероятной выглядит такое объяснение: в Россию она ехала к своему любовнику, который, как считается, обещал жениться на ней. Это был граф Александр Христофорович Бенкендорф, брат первой русской женщины-дипломата княгини Д. Х. Ливен, приехавший в Париж в свите посла графа П. А. Толстого. Теперь граф Бенкендорф уехал обратно, и к нему-то и собралась мадемуазель Жорж. Ну, а Луи-Антуан Дюпор бежал в Россию потому, что вошел в конфронтацию с директором балетной труппы парижской «Оперá» Пьером Гарделем.

Со стороны же А. Х. Бенкендорфа это на самом деле была целая интрига, главной задачей которой было отбить Алек-

сандра I у его в высшей степени кокетливой фаворитки Марии Нарышкиной. Предполагалось толкнуть царя на связь с французской актрисой – связь мимолетную, от которой его без труда можно было бы вернуть потом к императрице Елизавете Алексеевне. По словам Гертруды Кирхейзен, «мимолетная связь с бывшей возлюбленной Наполеона казалась обществу менее опасной».

Наверняка мадемуазель Жорж ничего не знала обо всех этих тайных планах, и в письмах к матери она распространялась о прелестях своего «доброго Бенкендорфа». И она действительно была представлена Александру I, который принял ее очень любезно, подарил ей драгоценную бриллиантовую застёжку и один раз пригласил в Петергоф, но другого приглашения после этого не последовало.

Согласно одной из легенд, незадолго до войны 1812 года мадемуазель Жорж попросила у Александра I разрешения вернуться в Париж. Вслед за этим якобы последовал такой диалог:

- Мадам, я начну войну против Наполеона, чтобы удержать вас.
- Но мое место не здесь, оно во Франции.
- Тогда располагайтесь в арьергарде моей армии, и я вас туда провожу.
- В таком случае я лучше подожду, пока французы сами не придут в Москву. В этом случае ждать придется не так долго...

Когда уже в 1812 году известия о несчастьях наполеоновской армии дошли до Санкт-Петербурга и когда, чтобы отпраздновать победу, все дома были украшены флагами и иллюминацией, ничто не могло заставить мадемуазель Жорж украсить так же и свой дом на Невском проспекте. Об этом ее упорстве донесли Александру I, но он якобы ответил:

– Оставьте ее в покое... В чем тут преступление?... Она добрая француженка.

А кончилось все тем, что ей дали наконец разрешение уехать.

В июне 1813 года она уже была в Вестфалии, и ее принял брат Наполеона Жером Бонапарт. А потом она дала пятьдесят представлений в Дрездене, и это длилось с 22 июня по 10 августа.

Там же, в Дрездене, она вновь увиделась с Наполеоном, который не просто простил ее бегство с парижской сцены, но и вернул ей прежнее положение придворной актрисы. Одного Жорж не удалось достичь – это вновь занять прежнее место в сердце императора. В этом смысле ее время прошло безвозвратно.

Гертруда Кирхейзен пишет:

«Однако она навсегда сохранила о нем верное воспоминание. Она любила его, когда он был консулом, и взирала на него с трепетным обожанием, когда он сделался императором. И когда несчастье разразилось над его головой, она, подобно многим другим, столько обязанным Наполеону, не пе-

решила на сторону Бурбонов, а оставалась верна своему императору и его родне, несмотря на то что ее положение чрезвычайно страдало от этого. Во время Ста дней она оказала прежнему возлюбленному последнюю услугу политического характера. Она сообщила ему, что должна передать ему бумаги, которые осветят многое из деятельности бывшего министра полиции Фуше».

Тогда Наполеон послал к ней своего человека, и когда тот вернулся с документами, император спросил:

– Она не говорила тебе, что дела у нее плохи?

– Нет, сир, она говорила только, что желала бы лично передать эти бумаги Вашему Величеству.

– Я знаю, что это такое, – сказал Наполеон. – Коленкур говорил мне. Он сказал также, что она в стесненных обстоятельствах. Выдай ей 20 000 франков из моей личной шкапулки.

Как известно, Ватерлоо стало последним актом наполеоновской драмы. Но 28-летняя мадемуазель Жорж не бросилась, как многие другие, к ногам нового властелина. Она осталась бонапартисткой, и ее положение в «Comédie Française» вскоре стало невозможным. Она вызвалась даже сопровождать Наполеона на остров Святой Елены, но ей в этом было отказано. Тогда она отправилась играть в Бельгию, где свела знакомство с неким Шарлем-Анри Арелем, ставшим ее любовником. В начале 1821 года они возвратились в Париж.

Мадемуазель Жорж и Арель находились у себя в квартире, когда Жюль Жанен, снимавший мансарду в том же доме, спустился к ним и сообщил о смерти Наполеона. Мадемуазель Жорж побледнела и упала в обморок. Три дня потом она не покидала своей комнаты. Она перечитывала письма Наполеона, рассматривала подаренные им портреты, с нежностью перебирала полученные от него подарки...

Когда мадемуазель Жорж вышла из комнаты, в глазах ее светилась печаль, и выражение это никогда больше не сходило с ее лица. И за все сорок шесть лет, что ей еще суждено было прожить, Жоржина не могла произнести имени императора без слез...

Шарль-Анри Арель умер в 1846 году, а она последовала за ним в могилу 12 января 1867 года, будучи уже почти 80-летней старухой. Детей у них не было. Племянник великого императора (Наполеон III был сыном Луи Бонапарта и Гортензии де Богарне) вспомнил о прежней возлюбленной своего дяди и в память его оказал ей последние почести: он заплатил за погребение Жоржины на кладбище Пер-Лашез.

Подводя итог жизни мадемуазель Жорж, Гертруда Кирхейзен делает следующий вывод:

«Позабитая и в нужде, умерла «милая и добрая» Жоржина Наполеона. Ее верное сердце до самой гробовой доски не переставало биться для него. В последние годы ее жизни, кто не был с ней знаком, отворачивался от бедной старой женщины, которая сделалась до того непомерно толста, что воз-

буждала отвращение <...> Но ее друзья знали, какая душа живет в этом отталкивающем теле. Без сомнения, она – одна из самых симпатичных женщин, встречавшихся Наполеону на его жизненном пути».

Не менее интересно и мнение Фредерика Массона:

«Даже в последние свои дни, совсем старая, совершенно не похожая уже ни лицом, ни вообще внешностью на прежнюю триумфаторшу, она говорила о Наполеоне с дрожанием в голосе, с искренним волнением, которое передавалось слушающим ее молодым людям – теперь почти старикам – с такой силой, что они не могут забыть об этом до сих пор. Но она вызывала перед ними не образ любовника, а образ Императора».

Глава 8. Императрица Жозефина

Многие историки отмечают, что Жозефина вела с Наполеоном жизнь, полную тревог и волнений. Почему? Да потому, что с некоторых пор она постоянно терзалась ревностью и страхом, что более молодая и плодовитая соперница может вытеснить ее и занять место около мужа, которого она с каждым месяцем любила все больше и больше. И, надо сказать, ей было чего бояться, ведь Наполеону сопутствовала просто сказочная удача, и его гений давал достаточно оснований для того, чтобы его жене могла завидовать любая женщина.

Живя так, Жозефина явно чувствовала бы себя более спокойной за свое будущее, если бы у нее был ребенок. Конечно, Наполеон усыновил Эжена, ее сына от первого брака, но этот факт не представлялся ей стопроцентной гарантией.

У Жозефа и Люсьена, братьев Наполеона, до сих пор рождались лишь девочки, и тогда Жозефина обратилась к своей дочери Гортензии, как к возможной спасительнице. Ее выдали замуж за Луи Бонапарта, и она быстро оправдала возлагавшиеся на нее надежды, в первый же год замужества родив сына. Но и этому ребенку не суждено было стать избавителем Жозефины от всех ее страхов. Безусловно, нужен был свой ребенок, настоящий наследник, и от этого было никуда не деться.

Фредерик Массон констатирует:

«Уже во время первой Итальянской кампании она пустила в ход с Бонапартом игру в беременность; но тогда это был предлог, чтобы не ехать к нему; она видела, как он поймался на эту удочку; она поняла, что инстинкт отцовства силен в нем. По мере того как поднималась его звезда, она начинала понимать, что материнство должно быть для нее не предлогом, но целью. Трон, по ступеням которого он неуклонно поднимался, подразумевал обеспеченное наследование».

Жозефина не могла не понимать, что вокруг ребенка сплелось все – и честолюбивые замыслы одних, и тревоги других. В самом деле, каждый из братьев Наполеона, поднимавшегося все выше и выше, мечтал быть продолжателем его дела, а его сестры (особенно Каролина) уже открыто ставили вопрос, не могут ли и их мужья тоже рассматриваться в качестве наследников. Наконец, и все французы, пережившие за последнее время столько государственных переворотов, жаждали стабильности, измеряемой не сроком жизни одного, пусть даже самого выдающегося, человека, а обеспечивающей покой на долгое-долгое время.

Имей Наполеон детей, проблем не было бы. Ребенок (желательно мальчик) положил бы конец инстинктивным пожеланиям одних и бесцеремонным домогательствам других. Но детей у Наполеона не было. И возникал естественный вопрос: кто в этом виноват? Он сам или Жозефина?

Жозефина чувствовала, что именно здесь она может быть очень уязвима, и пускалась на всевозможные ухищрения.

Она разъезжала по водолечебным курортам, известным своим свойством исцелять женщин от бесплодия: Экс-ле-Бэн, Пломбьер и др. Она покорно следовала всем медицинским предписаниям, советовалась со всякими прорицателями-шарлатанами, совершала какие-то безумные паломничества...

Все было бесполезно.

Фредерик Массон отмечает:

«Каждый раз, когда у нее зарождались иллюзии или надежды, она предавалась великой радости, которой делилась с Наполеоном, а он, в свою очередь, — с близкими ему людьми. Потом, когда иллюзия оказывалась рассеяна, Наполеон раздраженно бросал ей резкие и грубые слова».

Однажды он приказал устроить охоту в парке Мальмезон. Жозефина, плача, подошла к нему:

— Можете себе представить? Все животные забеременели.

В ответ он громко сказал:

— Здесь плодовито все, за исключением хозяйки.

Как видим, он открыто взваливал всю вину на нее, но в глубине души у него уже давно зародилось сомнение, которое Жозефина старалась поддерживать и усиливать. А не он ли сам виноват в том, что у них нет детей? В самом деле, ведь у Жозефины уже было двое детей от первого брака, и она то и дело ссылалась на них как на доказательство того, что не в ней тут причина. Делалось это настолько навязчиво, что однажды сестра Наполеона Элиза не выдержала и возмутилась:

– Но, сестра моя, помилуйте, тогда вы были моложе, чем теперь!

На мнительного Наполеона слова Жозефины действовали магически. Он даже и не пытался защищаться. Один раз он, перефразируя мадам де Помпадур, даже сказал своему брату Жозефу:

– У меня нет детей, и все утверждают, что я не способен их иметь. Жозефина, как бы она ни желала этого, теперь, в ее возрасте, пожалуй, тоже уже не сможет их иметь. Значит, после меня – потоп!

Сомнения, которые Жозефина внушила Наполеону, заставили его в 1799 году отбросить мысль о разводе, но при случае они могли рассеяться, и Жозефина, по словам Фредерика Массона, «находилась в полной зависимости от этого случая».

* * *

Помимо ребенка, чем еще она могла привязать Наполеона к себе, чтобы он ни в коем случае не вздумал разорвать их отношения? Она участвовала во всех официальных церемониях и мероприятиях. Ее везде встречали как повелительницу, для Франции и для всей Европы она была первой дамой Республики. При таких условиях разрыв с ней не мог не вызывать осуждения со стороны общественного мнения. А еще Наполеона могли удерживать привычка, расположение, кото-

рое он чувствовал к ней, боязнь причинить ей боль. Да и он сам страдал бы не меньше ее. Но остановит ли его это? Как говорится, не факт. Например, когда ему надо было одержать очередную победу, разве он считал людей, которыми при этом жертвовал?

Нет! Ребенок был, пожалуй, единственной прочной связью.

И все же Жозефина предприняла еще одну попытку. Это была коронация.

Фредерик Массон по этому поводу пишет:

«Коронация! Быть помазанной на царство папой, участвовать в триумфе нового Карла Великого, осуществить – ей, неизвестной креолке, – заветную мечту всех королей Франции, получить <...> корону – этого достаточно, чтобы удовлетворить не только честолюбие, но любую манию величия. А после того как она будет миропомазана и коронована, разве ее можно будет отвергнуть? Это – наикрепчайшая связь, какую только может заключить с нею Наполеон».

Но Жозефине и этого казалось мало. Ведь она была в браке только гражданском, и он не был освящен Церковью. Она знала, что придется преодолеть большие препятствия, чтобы добиться церковного брака. Но не менее хорошо она знала и то, что Церковь обычно бывает очень сговорчива, когда имеет дело с сильными мира сего.

Когда во Францию для коронации Наполеона из Ватикана прибыл папа Пий VII, Жозефина встретила с ним и по-

святила его в свои намерения. Она призналась, что не была венчана в церкви, и папа, поздравив свою дочь за ее намерение подчиниться Святому закону, пообещал ей потребовать от Наполеона, чтобы обряд венчания был исполнен.

Наполеон вынужден был подчиниться, ведь Пий VII с его характером был вполне способен отложить коронацию, если бы последовал отказ от венчания. Первоначально назначенная коронация была перенесена почти на две недели, а 30 ноября 1804 года в часовне дворца Тюильри кардинал Феш, дядя Наполеона, дал супругам брачное благословение.

Свидетелей при этом не было. Князь фон Меттерних даже утверждал потом, что Наполеон и Жозефина так и не были повенчаны по церковному обряду и что папу просто обманули. «Он хотел выразить по поводу этого публично свое негодование, – говорил Меттерних, – и лишь нежелание навлечь на себя всеобщее порицание, если народ узнает, что он короновал императрицу, не будучи точно осведомлен, какие узы связывают ее с Наполеоном, и этим самым, так сказать, одобрил простое сожительство, остановило его от этого поступка».

Подавляющее большинство историков, однако, считают, что брак Наполеона с Жозефиной получил благословение Церкви. Сам кардинал Феш, пользовавшийся благоволением Пия VII, скорее всего, не решился бы на обман. А 6 января 1810 года, находясь перед наместником Парижской епархии, он лично заявил, что венчание было им совершено 30 нояб-

ря, в четыре часа пополудни.

А коронация имела место 2 декабря 1804 года в соборе Парижской Богоматери, и после этого, как пишет Гертруда Кирхейзен, «Жозефина с достоинством взошла на этот трон и в течение пяти лет украшала его, как настоящая прирожденная принцесса. Властители Европы склонялись перед ней и искали ее поддержки и заступничества перед человеком, раздававшим короны и отнимавшим их по своему усмотрению».

* * *

Итак, 2 декабря 1804 года Жозефина стала императрицей французов. После этого, да еще и после заключения церковного брака вполне можно было бы почувствовать твердую почву под ногами. В самом деле, стал бы Наполеон короновать ее, если бы у него было серьезное намерение развестись с ней ради получения законного наследника?

Скорее всего, именно так и рассуждала тогда Жозефина. К тому же Наполеон не мог не испытывать чувства благодарности к той, что всегда была его счастливой путеводной звездой. О том, что это было именно так, нам рассказывает граф Пьер-Луи Рёдерер, которому Наполеон признался:

– Если я делаю ее императрицей, то делаю это из чувства справедливости. Я прежде всего справедливый человек. Ведь если бы меня бросили в тюрьму вместо того, чтобы по-

садить на трон, Жозефина принуждена была бы разделить со мной мою участь. Поэтому справедливость требует, чтобы она разделила со мной мое величие.

Наполеон был очень суеверным человеком, и, если верить словам Жозефины, он был убежден, что она приносит ему счастье. А еще он прекрасно понимал, что Жозефина была для него единственной женщиной, к которой, как пишет Фредерик Массон, «он был действительно привязан и к которой неизменно возвращался, несмотря на то что его увлечения и отдаляли его иногда от нее. Вместо прежней страстной любви он теперь питал к ней нежную привязанность, и это его чувство оставалось неизменным».

И все же, и все же... Приходится констатировать, что своим поведением Жозефина нередко доводила Наполеона до припадков ярости, и тогда он, будучи эмоциональным корсиканцем, легко забывал о сдержанности. Он не без оснований ревновал ее, да и ее ревность с некоторых пор, как мы понимаем, стала небезосновательной...

Глава 9. «Почти сумасшедшая» мадам де Водэ

Жозефина еще не успела стать императрицей, а у Наполеона появилась еще одна женщина. Звали ее Элизабет Ле Мишо д'Арсон де Водэ, и родилась она в Безансоне 27 октября 1773 года. В начале февраля 1790 года она вышла замуж за кавалерийского капитана Барберо де Водэ, и граф Луи де Нарбонн, в то время полковник и командир национальной гвардии провинции Франш-Конте, лично поставил подпись под их брачным договором.

Как видим, достаточно молодая женщина (а в 1804 году ей было 30 лет) была хорошего происхождения: она была дочерью замечательного военного, генерал-лейтенанта Мари-Элеонора Ле Мишо д'Арсона, который при осаде Гибралтара изобрел непотопляемые батареи, выработал план Голландской кампании 1793 года и стал одним из первых сенаторов при Консульстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.